На краю

Автор:
Николай Свечин

На краю

Николай Свечин

Сыщик Его Величества #29

В декабре 1913 года в Приморье произошла серия нападений на денежные ящики воинских частей. Были зарезаны часовые, а также наводчики, помогавшие бандитам подобраться к деньгам. Все жертвы оказались убиты зверским способом: им вскрыли грудь и вытащили наружу правое легкое, еще живым… Новый роман Николая Свечина – это новые приключения и расследования знаменитого сыщика Алексея Лыкова. На этот раз ему предстоит схлестнуться с опасным маньяком, помешанном на китайцах. Приморье вздрогнет от серии кровавых убийств, но виновный будет пойман. Любой ценой.

Николай Свечин

На краю

Роман

Автор благодарит Алексея Буякова, Андрея Потоцкого и Павла Казанцева за помощь в написании этой книги.

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Свечин Н., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Глава 1

Новая командировка

30 ноября 1912 года 5-й Сибирский стрелковый полк, квартировавший в городе Никольск-Уссурийский Приморской области, объявил торги. Ему требовалось закупить для продовольствования нижних чинов 14 000 пудов мяса и 1000 пудов кашного сала. Согласно книге XVIII Свода военных постановлений, соискатели должны были сдать свои кондиции[1 - Кондиции – условия поставки. (Здесь и далее – примеч. автора.)] в канцелярию полка в запечатанном виде. И приложить к ним залог – пять процентов от всей стоимости поставки. Если брать среднюю цену мяса пять рублей за пуд, а сала – семь с полтиной, набегало прилично: 3875 рублей. Для серьезных деловиков, а именно такие занимаются казенными поставками, это сущие копейки, и в торгах приняли участие пять предпринимателей. Итого в денежном ящике полкового казначея скопилось более 19 000 рублей. Да еще лежал неизрасходованный остаток полковых сумм за второе полугодие, около 10 000. Начальство берегло экономию для выдачи наградных к Рождеству и скупо тратило наличность. Но тут случилась беда.

Ночью неизвестные проникли на территорию полка, зарезали часового и вынесли за пределы части кассу вместе со всем содержимым. Видать, крепкие были ребята: касса весила десять пудов, но грабители каким-то образом

перебросили ее через высокие лиственничные пали. Вскрытый шкап нашли потом в лесу за железнодорожной станцией. Разумеется, он был пуст. Рядом лежал труп рядового 5-го полка Трофима Оселедченко. Полиция догадалась, что он служил наводчиком, провел бандитов в полк, отвлек часового и помог вынести кассу, рассчитывая получить долю. Но громилы сочли, что лучше избавиться от соучастника, чем делиться с ним.

И Оселедченко, и часового убили особо жестоким способом. Разрез на груди обоих был таким глубоким, что наружу вывалилось правое легкое…

Происшествие неприятно поразило военное начальство, но оказалось, что это были цветочки. За десять дней по такой же схеме бандиты совершили еще два ограбления. Во Владивостоке обчистили казначейство 3-го Сибирского горного артиллерийского парка. Там тоже собрали кондиции на закупку мяса и рыбы и сберегли крупную сумму к праздникам. Негодяи зарезали часового и плюсом младшего унтер-офицера, явного пособника. Забрали 22 000 рублей. Тело предателя обнаружили в Гнилом углу, за бараками крепостного временного госпиталя № 1. Поблизости нашли вскрытую кассу. Обеих жертв убили уже знакомым сыщикам страшным ударом ножа в правую сторону груди, дополненным ножевыми ранениями в живот. Врач, осматривавший тела, сказал, что легкое у них не само так вывалилось наружу. Его поддели ножом и вытащили из плоти. Еще у живых…

Затем три трупа и пустой ящик обнаружили на Седанке, в пятнадцати верстах от Владивостока. На этот раз пострадала 9-я Сибирская стрелковая артиллерийская бригада. Негодяи опять завербовали продувного ефрейтора, но, кроме него и часового, прикончили еще и писаря, не вовремя засидевшегося в комнате казначея. Смерть всех троих была так же ужасна, как и в предыдущих случаях.

Седанка – дачный пригород столицы Приморской области. Труп ефрейтора валялся под забором резиденции епископа Владивостокского и Камчатского Евсевия. Все вместе это привело к тому, что дело о грабежах в дальневосточных полках легло на стол военному министру. Сухомлинов в тот же день обратился к министру внутренних дел Макарову и попросил подсобить местной полиции пресечь бандитов. Тот телеграфировал генерал-губернатору Приамурского края Гондатти: почему его сыщики не справляются? какая нужна помощь? Шталмейстер ничтоже сумняшеся ответил: прошу командировать статского советника Лыкова, он разберется.

Гондатти помнил Лыкова еще по делу об очистке от разбойников Амурской железной дороги. Тогда на стройку съехались сотни негодяев и сделали жизнь населения невыносимой. Генерал-губернатор пожаловался Столыпину, и тот прислал Лыкова с Азвестопуло. Которые в три недели вывели всю нечисть… И вот теперь грозный волкодав опять понадобился.

Макаров, мелкая душа, был только рад. И приказал немедля отправить статского советника в Приморье. Директор Департамента полиции Белецкий напомнил министру, что сыщик едва оправился после тяжелого ранения, но тот слушать не стал. Исполнять, и все! А через день вылетел в отставку.

Заступивший на его должность Маклаков не решился отменять приказ своего предшественника. Тут еще Гондатти отстучал новую депешу: во Владивостоке неизвестная банда режет китайцев, трупы валяются прямо на улицах, шлите подмогу – Лыкова!

Директор вызвал Алексея Николаевича, показал ему телеграмму генерал-губернатора с визой нового министра: «Немедля помочь». И сказал со вздохом:

– Я пытался тебя отстоять – не вышло…

– Раз надо, я поеду.

– А как со здоровьем?

Лыков подмигнул Белецкому:

– Пятак согнуть?

Действительный статский советник спросил шепотом:

– Опять портишь казенную монету? Вернулась силенка?

– Вроде да.

– Как у тебя с текущими делами? Как с «иван иванычем»[2 - См. книгу «Паутина».]? Сумеешь отлучиться надолго?

– С ним сейчас пауза, как раз могу.

– Езжай! – решительно приказал директор. – Грека с собой возьми, он у тебя любит прогонные.

– Еще как.

Алексей Николаевич помолчал, ожидая, что шеф пройдется насчет возросших затрат Азвестопуло на агентуру. Но Белецкий опять вздохнул:

– Приедешь – меня тут уже, наверное, не будет. Говорят, Маклаков взъелся, хочет своего посадить.

– Твоя должность важнейшая в государстве, – напомнил статский советник. – Любой новый министр захочет иметь директором департамента своего человека.

– Да понимаю я, а все-таки тошно, – скривился Степан Петрович и раздраженно махнул рукой: – Все, иди. Аккуратнее там!

Лыков пришел к себе в кабинет и отвесил щелбана помощнику:

– Ну, дождался!

– Ай! – вскрикнул тот испуганно. – Чего я дождался? Нас увольняют?

– Нет, ссылают на Дальний Восток.

Сергей сообразил сразу:

– Это по просьбе Гондатти? Маклаков подтвердил приказ Макарова?

Алексей Николаевич пояснил:

– Никто не станет волынить, когда есть обращение военного министра плюс генерал-губернатора. Надо ехать. Ты готов?

– А сколько верст до Владивостока? – сразу взял быка за рога помощник.

– Смотря как добираться, – ответил статский советник со знанием дела. – Можно через Москву, выйдет восемь тысяч семьсот сорок три версты, дорога первым классом встанет в триста двадцать шесть рублей…

– Ого! – ахнул грек. – Так дорого?

– А ты как думал? Всю державу придется проехать. Второй путь – через Вятку, он на четыреста верст короче, стоит триста восемнадцать целковых. Мы поедем вторым, чтобы сэкономить время.

Азвестопуло капризно заявил:

– Я согласен только на вагон Международного спального общества[3 - Правильное название – Международное общество спальных вагонов и скорых поездов.]! Ни разу еще не пользовался, все вы да вы…

– У них будет дороже: триста тридцать семь рублей через Москву и триста двадцать девять через Вятку.

Помощник махнул рукой:

– Казна заплатит. Ведь заплатит?

Статский советник ободрил коллежского асессора:

– Ты, шаромыжник, знай: со мной не пропадешь! Проездной билет у меня бесплатный. А тебе выправим у Степы[4 - То есть у Белецкого; директор Департамента полиции имел в своем распоряжении бесплатные железнодорожные билеты для казенной надобности.] такой же.

– В оба конца?

– В оба. То есть скатаешься на край земли задарма. А прогонных получишь более двух тысяч.

Грек расправил плечи:

– Вот за что люблю я нашу службу…

Шеф продолжил:

– Стол и проживание за мой счет, как ты привык. Еще сотенки две положишь в карман из командировочных.

– Надеюсь, остановимся в лучших гостиницах? Есть такие во Владивостоке? Вы ведь там бывали, правда, давно.

Алексей Николаевич напряг память:

– В тысяча восемьсот восемьдесят девятом, на обратном пути с Сахалина. Тогда это был дрянной городишко, очень небезопасный. Надеюсь, он сейчас похорошел. Столица области, большой порт, гарнизон значительный после войны там поставили. Крепость подновили после того, как японцы нам заломили салазки… Найдем дыру поприличнее, не сумлевайтесь, ваше высокоблагородие!

– Быть посему.

Сказав так, Азвестопуло сразу засуетился:

– Ну, пойду Машку обрадую, что уеду далеко и надолго. Командировочное предписание опять же надо получить…

И исчез, будто его и не было.

А Лыков уселся за бумаги. Вечером он отправился за билетами. Купить их в Международном обществе спальных вагонов было не так-то просто, и сыщик не решился послать курьера, сделал все сам.

Чтобы прокатиться в вагонах общества, приходилось приобретать целых три билета: обыкновенный проездной, билет на увеличенную скорость и вдобавок еще особый билет на спальное нумерованное место. Статский советник сдал в кассу два служебных документа и получил взамен целую кучу картонок, по три на брата. Еще он оплатил посещение вагона-бани. Все, можно было ехать.

Ольга Дмитриевна привыкла к частым отлучкам мужа. В этом году он уже катался за Байкал, в Верхнеудинск. Теперь ему предстояло отправиться еще дальше и на неопределенный срок. Повадки банды настораживали. Люди умели находить негодных солдат, совращали их, проникали с помощью предателей в полковые казначейства, а потом обрубали концы. Как найти таких молодчиков? Свидетели мертвы. А тут еще полицмейстер Владивостока подполковник Лединг… Только что прекратили судебное преследование против него – за недоказанностью. Подполковника обвиняли в покровительстве китайским опиекурильням и игорным домам. За деньги, разумеется. Насколько можно ему доверять? Алексей Николаевич уже решил попробовать опереться на жандармов. Кроме того, следовало заручиться и поддержкой армии, ведь жертвами грабежей были военные. Поразмыслив, сыщик отправился к барону Таубе.

Его давний друг в последнее время укрепил свое положение в Военном министерстве. После злосчастной японской войны, на которой он потерял руку, началась запоздалая чистка рядов. В 1906 году специально созданная Высшая аттестационная комиссия уволила из армии 217 генералов! А в следующем году – еще 146. Виктор Рейнгольдович остался только потому, что его защитил Редигер. Умный и трудолюбивый, он знал цену барону. Но затем государь снял Редигера с должности военного министра. Тот не сумел дать отповедь Гучкову, который на заседании Государственной думы осмелился критиковать армию. Вместо того чтобы осадить «хлопчатобумажного патриота»[5 - «Хлопчатобумажный патриот» – прозвище Гучкова при Дворе, намекавшее на его купеческое происхождение…], генерал фактически согласился с тем, что наша армия имеет много недостатков. А как будто не имеет? Однако царь выгнал реформатора и поставил на его место Сухомлинова. Легкомысленный, но хитрый, новый министр развлекал государя анекдотами, чем быстро завоевал его расположение. Начальник Генерального штаба Жилинский тоже не отличался особым трудолюбием. Воз текущей работы тащил генерал-квартирмейстер ГУГШ Данилов-Черный[6 - ГУГШ – Главное управление Генерального штаба. Данилов-Черный получил свое прозвище, чтобы отличаться от двух других генералов с такой же фамилией – Данилова-Рыжего и Данилова-Белого.]. Он и пригрел на первых порах Таубе. Барон примыкал к группе

«младотурок» – так в шутку прозвали высших офицеров, сотрудничавших с Думой для продвижения военных реформ. Это сотрудничество раздражало царя и, следовательно, нового военного министра. «Младотурок» выслали из столицы, разбросав по военным округам, Виктор Рейнгольдович вновь повис на волоске. Однако его богатый опыт, полученный на секретной службе, в очередной раз спас генерал-майора от пенсии. Таубе поручили курировать молодую контрразведку. В штабах округов были созданы контрразведывательные отделения, которые подчинялись Особому (Пятому) делопроизводству ГУГШ. И там, и там правили бал офицеры Отдельного корпуса жандармов. Сухомлинову нужен был свой человек, из армейских, но опытный в этой области. Барона ввели в состав Военного совета при министре и приказали надзирать и за Огенкваром[7 - Огенквар – Отдел генерал-квартирмейстера, военная разведка.], и за Пятым делопроизводством. В разведке сидели ученики Таубе, его авторитет среди них был непререкаем. Барон занялся привычными ему тайными операциями и быстро стал незаменимым.

Алексей Николаевич телефонировал старому приятелю и попросил принять его как можно быстрее. Тот сказал: приходи домой к вечернему чаю. Это значило – к восьми часам пополудни. Сыщик в назначенное время приехал на Галерную, расцеловался с баронессой и повел хозяина в кабинет. Выставил на стол бутылку модного коньяка «Семнадцатилетний Интернациональ с синей лентой» и красноречиво подмигнул:

– Ну, по пендюрочке?

Таубе скривился и вынул из коробки «гавану»:

– Можно я лучше подымлю?

Дав закурить, статский советник огорошил друга:

– Я завтра еду во Владивосток.

Генерал замер с дымящейся сигарой в руке:

– Ты же еще не оправился после ранения!

– Оправился.

– А… зачем это тебе?

– Приказание нового министра.

– Маклаков посылает на край земли хворого человека?

Лыков начал объяснять более подробно:

– Это приказ еще Макарова, который инициировали военный министр и генерал-губернатор Приамурского края. На пару. Почему же новый министр должен его отменять? Да мне и самому интересно. Не такой уж я и хворый. Поеду вместе с Азвестопуло, он за дедушкой присмотрит.

– Хм. Что нужно от меня? Ты же не просто так приперся?

– Эх, друг называется. Приперся… Я, между прочим, со своим коньяком пришел, зная твое нищебродство. А ты – приперся. Возьму сейчас бутылку и уйду. Оставлю тебе только синюю ленточку.

Виктор Рейнгольдович отложил сигару, достал фамильные серебряные рюмки с гербом и разлил по ним коньяк. Выпили, и гость продолжил:

– Кто-то грабит в Приморье полковые казначейства. Люди при этом гибнут. Гондатти топает ногами, просит Сухомлинова пресечь, тот кивает на МВД. Местная полиция не справляется.

– Так.

– Теперь что нужно от тебя, генерал. Совет и, возможно, рекомендации. С кем из вашего брата мне там иметь дело? Столица далеко. Может понадобиться помощь военных, ибо к полицмейстеру имеются вопросы.

Таубе вздохнул:

– Командующий войсками Приамурского округа – генерал-лейтенант Лечицкий. Штучный человек! Сын сельского дьячка, академию не кончал, выслужился в высшие чины благодаря храбрости и здравому смыслу. Военное дело знает и любит. Но он в Хабаровске[8 - В Хабаровске располагался штаб Приамурского военного округа.].

Лыков кивнул:

– Далеко. А в самом Владивостоке кто закоперщик?

– Комендант Владивостокской крепости и одновременно командир Четвертого Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант Нищенков.

– Ты с ним знаком?

– Да. Мы поступим вот как…

Таубе затушил сигару и потянулся, хрустнув суставами.

– Аркадию Никаноровичу к Рождеству дадут чин генерала от артиллерии. Решение уже принято. Ты выезжаешь завтра? Как раз явишься туда к распубликованию Высочайшего приказа по военному ведомству. Я передам тебе в поезд новые погоны для него. Чуешь?

Гость кивнул. Хозяин договорил с воодушевлением:

– Производство в следующий чин – большая радость для военного. А тут ты с погонами. Нищенков обрадуется, поверь мне. Я еще письмо с тобой передам. После такого он станет тебе верным союзником.

Алексей Николаевич усмехнулся:

– Хорошая мысль. А ты интриган… Готовь погоны. Поезд уходит в три пополудни. Теперь давай еще по пендюрочке, и расскажи мне, что делается в Приамурском крае.

Виктор Рейнгольдович махнул рюмку и стал бодро докладывать:

– После того как японцы наклали нам по загривку, краем наконец-то стали заниматься. Сейчас там сильные части. Округ насчитывает сто тридцать тысяч штыков, столько же, сколько Петербургский и Московский, представляешь? Больше лишь в ударных Варшавском и Юго-Западном военных округах, но тем скоро предстоит война.

Сыщик понурился:

– Значит, скоро? Э-хе-хе… Мы, как всегда, не готовы?

– Не готовы. Но пытаемся повысить нашу обороноспособность; не знаю, успеем ли… Готовится «Большая программа по усилению армии». Наконец-то Министерство финансов удалось сломать. Кадр армии мирного времени увеличится сразу на тридцать девять процентов!

– Почему не на сорок? – ехидно уточнил гость. Хозяин только отмахнулся:

– Сейчас наш военный бюджет – всего семьдесят миллионов рублей. И его выбиваем с трудом. Но в следующем году под программу единовременно выдадут колоссальные средства – четыреста тридцать миллионов! Такого в истории России никогда не было. А ежегодные ассигнования вырастут вдвое – до ста сорока миллионов. Достанется и Приморью. Так и передай Аркадию Никаноровичу. Это пока секрет, но полные генералы[9 - Полный генерал – генерал от рода войск.] должны его знать.

– Такие деньжищи Гучков вам согласовал? – задал весьма интересовавший его вопрос сыщик.

– Да, он много для этого сделал. И хотя самого Гучкова сейчас в Думе нет, партия октябристов по-прежнему под его руководством. И по-прежнему сильно способствует укреплению обороны. Мы, военные, очень это ценим.

Лыков ушел домой в задумчивости. А на другой день они с Азвестопуло сели в скорый поезд № 2 и отправились на восток. Началось десятидневное путешествие сыщиков через всю страну.

В пути Лыков старался держаться в курсе событий. Вагон-библиотека вез свежие газеты, и статский советник погрузился в чтение. Новости, как и прежде, не радовали. Часть их носила совершенно дикий характер. Когда сыщики подъезжали к Вятке, в Петербурге неожиданно скончался член Государственного совета князь Н. В. Вяземский. За завтраком он случайно сломал три искусственных зуба. Те попали в дыхательное горло, и несчастный задохнулся. Нелепая смерть от собственного протеза…

Сухомлинов произвел фурор на открытии памятника Битве народов под Лейпцигом. Представитель русского государя заявил, что войны не будет! И сорвал дружные аплодисменты. Вот молодец… А барон Таубе утверждает обратное; не иначе, паникер.

Выпускница Чистопольской женской гимназии захотела поступить на службу учительницей в Чистопольском же уезде. Это оказалось не так-то просто. Учительский совет потребовал от барышни не только аттестат об окончании гимназии, но заодно и медицинское свидетельство о невинности… Пришлось предоставить.

Выездная сессия окружного суда в Хабаровске приговорила госпожу Зандау к трем суткам домашнего ареста за кощунство. Та додумалась явиться на маскарад в костюме Саломеи. Газеты намекали, что платье было полупрозрачным.

На Балканах замучились собирать турецких военнопленных. Одних только офицеров в Болгарии числилось 350 человек, а в Салониках вообще 600. Счет нижним чинам шел на тысячи. Османская империя трещала по швам под ударами славян.

Много писали о покушении в Индии. Лорд Гардинг, вице-король Индии, торжественно въезжал в Дели, восседая на слоне. Он помещался в особой башне, как вдруг сверху из окна дома в него кинули бомбу. Та оказалась начинена патефонными иглами и шурупами. Произведенным взрывом убило двух человек, в том числе служителя, державшего зонт над Гардингом. Еще тринадцать человек ранило. Сам вице-король уцелел чудом. Он получил ранения в лопатку, затылок и бедро, башня была разрушена. Убийцу не нашли, за его открытие обещали награду.

В Бессарабии, на Волыни и в Подольской губернии скупщики задорого приобретали у населения коней артиллерийского и обозного типа и крупными партиями перевозили в Австро-Венгрию. Пока русский военный министр произносил в Лейпциге пустые речи… А с чем он завтра будет воевать? Наглость австрияков известна, но это уже чересчур.

А германское военное министерство запретило графу Цеппелину не только продавать свои дирижабли за границу, но даже выставлять их для обозрения без особого разрешения военных.

Среди прочего Лыков обнаружил новость, которая его раздосадовала. Согласно новому закону, в Приморье запрещалась охота на соболя. Аж на пять лет! Под запрет попала и торговля мехами, не снабженными пломбами, а также их покупка и вывоз за границу. А статский советник собирался привезти домой шкурки супруге на воротник. Не успел… Интересно, можно ли обойти запрет на месте? Тамошняя полиция наверняка умеет ловчить – пусть помогут командированному из столицы. А то ведь он такого накопает!

Расстроенный сыщик показал заметку помощнику. Сергей от политических новостей отмахивался, а тут проявил живой интерес. И весьма обрадовался запрету.

– Очень хорошо. Очень-очень-очень!

– Что же тут хорошего?

Азвестопуло назидательно пояснил:

– Все запреты имеют лишь одно последствие: повышают цену предмета, который будто бы нельзя купить.

– И что? – не понял статский советник.

– А то, что теперь я продам шкурки в Петербурге еще дороже, чем рассчитывал.

– Какие еще шкурки, соболиные? А где ты их возьмешь?

Помощник хохотнул:

– Неужто я грекоса во Владивостоке не найду? Наш брат везде пролез. Куплю на прогонные сколько хватит. А Лединг наставит пломб, каких надо – он известный жулик, чай, справится. Забыли мой девиз? Не зевай на брасах!

Лыков рассердился:

– Ты мошенничать туда едешь, а не сыском заниматься? Ведь полицмейстер Лединг и впрямь захочет нас купить. Чтобы мы в министерстве потом представили его в лучшем виде.

– Я о том и говорю, – не моргнув глазом ответил коллежский асессор. И обнаружил неожиданное знакомство с меховым делом. Он объяснил шефу, что пломбы бывают двух видов. Мастичные ставятся прямо на шкурку, а сургучные привязываются на веревке. А сами шкурки лучше покупать летние, так называемые калтаны – у них мех выше качеством. Было видно, что помощник подготовился к командировке…

– Эх, шеф, – разглагольствовал он, – Приморье – это золотое дно. В буквальном смысле слова! Потому как россыпи дают хороший песок, а именно зимой старатели сбывают утаенное от казны золотишко. Еще есть женьшень, опий, оленьи панты… Последние лучше брать от пятнистого оленя, они в четыре раза дороже пантов изюбря. Не будь вы старомодный ретроград, реликт, так сказать, совестливости, какую коммерцию можно было бы развить при ваших чине и должности.

Алексей Николаевич молча погрозил коммерсанту кулаком и вернулся к газетам.

Так они и ехали, забираясь все дальше на восток. Вагон-столовая предоставлял лишь холодные закуски и напитки. Горячую пищу пассажиры получали в станционных буфетах. Поездной буфетчик заранее собирал заявки, которые отсылал на станцию телеграфом. За эту услугу с каждого блюда он брал гривенник сверх таксы. За отдельную плату пассажиры получали ванну и душ. Газеты, книги, шахматы, домино, холодную кипяченую воду давали бесплатно.

Азвестопуло беззастенчиво пользовался кошельком шефа и выбирал в буфетах самое вкусное и дорогое. Лыков привык к этому, он и сам любил побаловать

Сергея. При его капиталах шалости помощника казались пустяками.

Уже в Маньчжурии пассажиры встретили Рождество. Все принарядились, в Харбине православные отстояли службу в привокзальном храме. Столица Приморья быстро приближалась. Азвестопуло посерьезнел, а Лыков торопил часы – поездная тряска изрядно ему надоела.

26 декабря в 21 час 36 минут, точно по расписанию, скорый поезд № 2 прибыл на вокзал города Владивостока.

Глава 2

Знакомства

На перроне гостей встретил рослый осанистый господин лет тридцати пяти:

– Дозвольте представиться: помощник полицмейстера по наружной части коллежский асессор Царегородцев Константин Гаврилович. Прислан подполковником Лединго встретить вас и помочь разместиться.

– Здравствуйте, – пожал ему руку Лыков. – Когда полицмейстеру будет удобно повидаться с нами?

Царегородцев угодливо улыбнулся:

– Да можно прямо сейчас. Стол накрыт. У Генриха Ивановича лучший в городе повар. Из китайцев, разумеется. Пальчики оближете!

– Нет, сейчас не стоит, – отказался статский советник. – Десять дней в дороге, надо прийти в себя. Заселиться сперва. Куда порекомендуете, как знаток?

– Первоклассные гостиницы почти все на Светланской. Это наш Невский проспект, если угодно. «Версаль» считается лучшим. Очень неплоха «Россия», да и «Централь» с «Метрополем» хороши… Но я бы посоветовал «Гранд-Отель» на

Алеутской. Не так шумно и вполне уютно.

– Едем туда.

Помощник полицмейстера схватил было чемоданы приезжих, но Лыков отобрал вещи и передал носильщику.

– Личный экипаж полицмейстера ждет вас, – Царегородцев побежал впереди, указывая дорогу.

Лыков шел следом и мысленно повторял характеристику коллежского асессора, данную в жалобе китайских подданных генерал-губернатору Приамурского края. Те писали, что Царегородцев через переводчика китайского языка Чу Шанму обложил незаконными поборами китайское семейное население. Переводчик ходил по квартирам с револьвером в руках и требовал наличность. Тем, кто откажется платить, он угрожал арестом и высылкой из Владивостока. Напуганные люди в большинстве своем откупились от шантажиста. К тем немногим, кто отказался платить, на следующий день явились городовые. Они арестовали двадцать восемь женщин, среди которых оказалась даже роженица, только что разрешившаяся от бремени. Лыков помнил фамилию этой несчастной – жена торговца Лян Шичина. Маленьких детей тоже забрали. Все китайцы просидели в арестантском помещении Городского управления полиции с утра до позднего вечера. И лишь по требованию нанятого обществом присяжного поверенного были отпущены по домам. Теперь вот этот самый Царегородцев звал ревизоров на ужин к полицмейстеру и помогал устроиться.

Однако сыщики не собирались ссориться с местной полицией, тем более с первого дня. Они заселились в «Гранд-Отель», который располагался всего в двух шагах от вокзала, поблагодарили коллежского асессора и отпустили его вместе с экипажем. Заодно договорились, что знакомиться с Ледингом они придут завтра к двум часам. Поскольку сначала должны представиться военному губернатору области и коменданту крепости. Как раз полдня и уйдет…

Гостиница оказалась и впрямь неплохой. Бросив вещи и умывшись с дороги, питерцы пошли в ресторан. Азвестопуло хищно набросился на трепанга с гребешками, его шеф предпочел другие яства. Он чинно истребил двинскую семгу, рижских угрей и нарвских миног, а запил горькой английской.

Подкрепившись, сыщики решили перед сном прогуляться по городу. Лыков повел помощника на берег бухты Золотой Рог. Вид ее очаровал Сергея. Рядами стояли суда, вмерзшие в лед. Их сигнальные огни были живописно разбросаны по всему пространству бухты. На том берегу тоже кое-где светилось электричество. А за спиной туристов заманчиво шумела главная улица столицы Приморья. Алексей Николаевич быстро замерз и предложил отправиться на боковую. Но грек воспротивился:

– Алексей Николаевич, когда снова попадем в такую даль? Может, никогда. Хочу еще погулять, хоть часик. Первые впечатления самые интересные, вы же знаете.

Лыков смирился. Он и сам двадцать три года назад шлялся по Владивостоку разинув рот. А сейчас город стал еще красивее и интересней.

Сыщики дошли до угла Алеутской и Светланской и повернули направо. Вокруг кипела жизнь. Святки были в полном разгаре, люди торопились насладиться праздниками. Но Лыков повел помощника в дальний конец парадной улицы, заявив, что у него есть одно личное дело.

Питерцы прошли мимо магазина «Кунст и Альберс», почтамта, штаба Сибирской флотилии и прочих приметных зданий и заглянули в Матросский сад. Здесь Лыков остановился возле пирамиды из крупных камней. Она была дополнена траурно приспущенным чугунным Андреевским флагом и якорем, вокруг стояло ограждение из якорных цепей. Сыщик снял шапку и долго, несмотря на мороз, стоял с непокрытой головой. Потом объяснил Сергею, что это памятник экипажу шхуны «Крейсерок», погибшей в Татарском проливе в 1889 году. В бытность Алексея Николаевича начальником Корсаковского округа он подружился с командиром шхуны лейтенантом Налимовым. Веселый и храбрый лейтенант был настоящим русским флотским офицером, он скромно и достойно нес тяжелую службу. И помог сыщику уничтожить японских диверсантов-«садовников»[10 - См. книгу «Мертвый остров».]. А потом шхуна погибла вместе с экипажем. Спасся только кондуктор, который и рассказал, что произошло. Возле острова Тюлений была поймана американская посудина «Роза», пришедшая для браконьерского боя котиков. «Крейсерок» взял ее на абордаж, высадил на борт пять своих матросов во главе с Налимовым. И оба судна взяли курс на Владивосток. У мыса Терпения американец сел на камни, и сильный шторм быстро разбил его. Экипаж и абордажная команда стали спасаться на яликах, и пленники в этот момент подняли мятеж. Они убили одного из матросов, обрезали канат, связывавший ялик с «Розой», и поплыли к «Крейсерку». Что

было дальше, доподлинно неизвестно. Остатки разбитой шхуны в конце года обнаружили на побережье японского острова Хоккайдо. Наша экспедиция нашла Андреевский флаг, доску с наименованием корабля и труп человека в русской военно-морской форме. Возможно, американцы захватили русскую шхуну – их было больше, чем наших. Взяли курс к своим, и по пути «Крейсерок» погиб от обледенения. Храбрый Налимов не смог спастись в шторм…

Отдав дань памяти погибшим – а Лыков знал весь экипаж шхуны поименно – питерцы пошли в гостиницу. По пути завернули в ресторан «Золотой Рог» и заказали графинчик. Со сцены публику развлекал настоящий негритянский оркестр. Черная труппа показывала танцевальные номера, исполняла непонятные, но зажигательные песни. Но Алексею Николаевичу было не до веселья. Он вспоминал свои разговоры с лейтенантом на ночной вахте, меткую очередь из «гочкиса», потопившую японцев, лица храбрых моряков. Уже в первом часу ночи захмелевшие гости отправились спать.

Утром их разбудил все тот же Царегородцев и заявил, что в распоряжение Лыкова на весь день отдан экипаж с возницей. Полицмейстер определенно хотел задобрить опасного гостя. Вдруг тот прислан не только поймать убийц, но и дать в столице оценку Лединگу? Алексей Николаевич поблагодарил, отказываться от подарка не стал и даже выпил с Константином Гавриловичем кофе в буфете. Кое-как отделался от него (Царегородцев вызвался проводить петербуржцев до дома начальника области) и пошел одеваться.

Два сыщика в мундирах со старшими орденами отправились представляться военному губернатору Приморской области генерал-майору Манакину. Тот принимал на Светланской, в двухэтажном доме старой постройки. Дом был знаменит тем, что в 1892 году здесь останавливался цесаревич, нынешний государь, по возвращении из путешествия в Японию.

Генерал принял посетителей сразу. И быстро перешел к важному, не тратя времени на пустые разговоры:

– Вы осведомлены, господа, что в приморском воздухе витает напряженность? Все ждут войны с Китаем. И она весьма вероятна.

Сыщики насторожились. Они знали в общих чертах, что происходило вблизи границ империи. После революции, свергнувшей маньчжурскую династию с

китайского трона и установившей республиканскую форму правления, в стране начался разброд. Им воспользовалась Внешняя Монголия и объявила о своем суверенитете. Временное правительство Китая отнеслось к этой идее очень болезненно. Сейчас Монголия втайне от него завела шашни с Россией. Сильный северный союзник по логике Хутухты[11 - Хутухта – Богдо-гэгэн Восьмой, высшее лицо монгольской буддийской теократии, лидер революции 1911 года и фактический глава Внешней Монголии.] должен был защитить народившуюся независимую страну от атак с юга.

– Наши дипломаты играют с огнем, – продолжил генерал. – Возможно, так и надо: китайцы наглеют, они забрали в свои руки чуть не всю торговлю в крае. Давят нас числом и слаженностью действий. «Желтая опасность» не газетный миф, мы тут видим ее невооруженным глазом. Но… хоть бы сказали, к чему готовиться. Я не только военный губернатор, но еще и наказной атаман Уссурийского казачьего войска. А инструкций из столицы шиш! Из Военного министерства пишут: быть наготове, но не поддаваться провокативным действиям. Из МИД вообще ни слова.

Манакин разволновался, встал и начал ходить по кабинету. Было видно, что события последних месяцев серьезно его волнуют.

– Поверьте, я знаю, о чем говорю. Несколько лет назад по линии военной разведки служил консулом в Цицикаре[12 - Цицикар – столица одной из трех маньчжурских провинций Хэйлунцзяна.], как раз на границе Маньчжурии с Монголией. Пришлось для прикрытия перевестись на два года в гражданское ведомство. И насмотрелся я там!.. Китайцы всех нас ненавидят. Даже те, кто приехал сюда на заработки и зависит от пресловутой русской доброты. Они считают себя самой великой нацией в мире, центром всего, Срединной империей. Остальные народы, по мнению китайцев, вращаются вокруг Поднебесной и должны рано или поздно принять подчиненное к ней положение. Причем косоглазые скачут на длинный круг, в то время как мы – на короткий. И что мы видим сегодня? Монголия воспользовалась революцией и шмыгнула в сторону. Но далеко-то не отбежишь. Китай остался рядом. Наше правительство интригует и поддерживает суверенные потуги монголов. И даже тайно вооружает ее армию, хотя тут давно секрет Полишинеля. Напряжение нарастает. Недавно отменили беспошлинную торговлю в пятидесятиверстной полосе на русско-китайской границе. Нашим купцам нанесен ощутимый удар. Хутухта в ответ подписал соглашение об открытии Русско-Ургинского кооперативного банка и правительственной почты с телеграфом. Вот-вот будет

опубликован торговый договор, по которому российским подданным дадут чрезвычайно важные права в торговле и промышленности. Там беспошлинная торговля, возможность создавать фактории в крупных торговых местах, право свободного плавания по рекам, прогона скота по дорогам… Китай этого не потерпит! Уже сейчас их патриоты требуют ввести в Монголию войска. Желтые объявили бойкот русским товарам. Только что русофобами сожжена в Ханькоу чайная фабрика купца Литвинова. Население стало массово изымать вклады из Русско-Китайского банка, из кассы утекло два с половиной миллиона рублей. Банк шатается, нашему Министерству финансов придется дать ему кредит. А самое главное – из Китая пришел приказ всем, кто приехал сюда на заработки, срочно вернуться домой. Это война, господа. К весне ждите!

Манакин перевел дух, поворошил кочергой горящие поленья в камине, и заговорил более спокойно:

– Вы новенькие здесь. А я вижу, как резко уменьшилось количество желтых на улицах Владивостока. Уже начались проблемы с прислугой и с чернорабочими. Конечно, уехали на родину не все. Многим некуда возвращаться, они с трудом нашли себе здесь теплые места и не оставят их. Разве что под страхом смерти. Вот я и думаю…

Губернатор со значением посмотрел на Лыкова и закончил мысль:

– Ограбления военных меня, конечно, беспокоят, но еще больше – участившиеся покушения на китайцев. Эти убийства на улицах… Они были и раньше. Тут еще дрянная привычка бросать своих покойников…

– Поясните, ваше превосходительство, – перебил генерала Лыков.

– Ходя[13 - Ходя – прозвище китайцев.] не любят тратиться на погребение соотечественников. И частенько, когда их товарищ умер, просто помещают его в бумажный мешок и выбрасывают в глухом переулке.

– Не может быть! – ахнул Сергей.

– Еще как может, молодой человек. Так вот, полиция давно подбирает трупы китайцев на улице, и потом их погребают на средства городских властей. Но то были тела без следов насильственной смерти. А теперь убийство за убийством!

Китайцев стало вдвое меньше, а смертей вдвое больше. Чуть не каждый день. И такие зверские. Вы слышали про случай на Пологой улице? Впрочем, он был позавчера, когда вы ехали в поезде. Неизвестный зарезал китайца, отсек ему голову и шел с ней двести саженей. Нес в руках, держа за косу! Это уж ни в какие ворота.

Алексей Николаевич представил картину, как злодей гуляет по городу с отрезанной головой, и содрогнулся. Манакин тоже будто поперхнулся, но выправился и продолжил:

– К чему все это говорю? Я допускаю, что столь зверские преступления инспирирует само китайское правительство. С целью запугать диаспору и заставить соотечественников вернуться на родину. Значит, где-то во Владивостоке их разведка держит боевой отряд. Представляете, что он может натворить, если начнется война?

Предположение губернатора было столь важным, что в корне меняло весь план дознания. Лыков стал задавать уточняющие вопросы:

– У вас в городе существует китайская полиция. Казалось бы, ей и надлежит в первую очередь поймать преступников.

– Да, – кивнул Манакин, трогая себя за длинный седой ус. – Это особенность Владивостока. При Городском полицейском управлении есть особая вспомогательная полиция, состоящая преимущественно из китайцев. Она содержится за счет их общественного самоуправления и должна бороться с уголовной преступностью среди желтых. Но самоуправление-то регулируется китайскими властями. Что, они будут ловить сами себя? Если моя догадка верна…

– Ваше превосходительство, какого вы мнения о Лединге? – неожиданно спросил статский советник.

Манакин погрустнел:

– Понимаю подоплеку вашего вопроса. Да, именно полицмейстер должен искоренять преступность в городе, в том числе и желтую. А Генрих Иванович… За ним тянется такой зловонный шлейф… Еще с тех пор, когда он был

полицмейстером Порт-Артура. Лединг, судя по всему, сделал из туземной диаспоры источник дохода. Причем очень даже значительного! Китайская полиция подчиняется ему и таскает дань от незаконных публичных домов, опиекурилен и банковок.

– Простите… – вмешался было Азвестопуло, но генерал догадался о сути вопроса и пояснил:

– Банковками называются подпольные игорные дома, где китайцы играют на деньги в свое домино. Многие оставляют в них весь заработок. Это такая язва, которая заставляет иных идти на преступления. Ну, в Монте-Карло, говорят, тоже есть такое… О чем уж я? Об Лединге. Скажите, пожалуйста, как я могу ему доверять после того, что знаю о подполковнике?

– Почему же вы его не выгоните? – задал логичный вопрос статский советник.

– А потому, что ваши не дают, – брякнул губернатор.

– Наши – это кто? Министр? Так он теперь новый.

– Ваши – это жандармы. И охранное отделение. Он их вполне устраивает. Несложно догадаться, чем именно.

– Снабжает агентурными сведениями? – предположил Алексей Николаевич.

– Наверняка, – кивнул Манакин. – Еще с Порт-Артура Лединг завел среди китайцев агентуру, при помощи прикормленных им переводчиков. Когда в тысяча девятьсот шестом году он был назначен владивостокским полицмейстером, то приехал со своими доверенными лицами, теми самыми переводчиками. Это одно преступное предприятие. Ребята обеспечивают ему осведомление в среде приезжих китайцев. А попутно собирают с них дань, покрывают уголовных, прячут беглых, договариваются с хунхузами… И жандармы в обмен на сведения о настроениях в диаспоре покрывают проделки подполковника. Ведь если его уберут, сведения поставлять станет некому. Начальство будет недовольно. А самим завести агентуру в китайской среде невозможно. Лединг уникален своими способностями и потому незаменим. А тут еще поддержка Флуга.

– Флуг ведь уехал, – подал реплику коллежский асессор. – Он теперь командир Второй гвардейской дивизии.

– То-то и оно, что гвардейской, – назидательно подчеркнул Манакин. – Близко к государю стоит Василий Егорович. Такой скачок…

Генерал-лейтенант Флуг в 1905–1910 годах был предшественником Манакина, а до того много лет прослужил в Приморье. Хозяин покосился на Азвестопуло и закончил свою мысль:

– Говорят, во время войны с японцами Флуг и Лединг совершили немало преступлений. Сообща. Обирали маньчжур как липку. Потом, когда старший стал губернатором здесь, он и поставил младшего над полицией. И тут же начались жалобы. Но Василий Егорович Генриха Ивановича в обиду не давал. И все расследования закончились для того без последствий. Да, Флуг уехал. Но сила Лединга в том, что он умеет ладить с нужными людьми. Я вот никогда не умел. А наш курляндец, видать, от природы таков. Поди его возьми…

– Что у вас с полицейской обстановкой? Много ли тяжких преступлений?

Начальник области свел брови:

– Получил годовую сводку. Уже можно подводить итоги, год, считай, закончился. Цифры неутешительные. Триста восемьдесят четыре умышленных убийства! А? Много?

– Не то слово, Михаил Михайлович, – нахмурился статский советник. – Понимаю, что ссыльно-каторжная у вас область, однако…

– Но что можно сделать с таким кадром? Я требую очистить полицию от лиц с неустойчивой совестью. Но то слова. А на деле вынужден терпеть жулика Лединга и его прихвостней…

– Кто в области служит по жандармскому корпусу? – вынул записную книжку Лыков. – И на кого можно положиться в моем дознании? Я ведь прислан министром внутренних дел, их непосредственным начальником. Голубым мундирам лучше со мной дружить.

– За город и окрестности отвечает Владивостокская крепостная жандармская команда, – ответил генерал-майор. – Она у нас выполняет роль областного управления. Главный там подполковник Васильев. Есть Жандармско-полицейское управление Уссурийской железной дороги. Им командует полковник Меранвиль де Сент-Клер. Обычно железнодорожные жандармы сводят свою службу к обеспечению порядка в полосе отчуждения дороги. Андрей Николаевич смотрит шире, он занимается тем, чем мало кто занимается в России, – контрразведкой. Третья сила в секретной полиции – охранное отделение во главе с ротмистром Лалевичем. Бумаг он мне присылает больше всех. Но… все трое, даже де Сент-Клер, во многом живут умом полицмейстера. Увы.

– А военные? – продолжил расспросы статский советник. – Имеют они собственные мозги?

– Лучше вам будет спросить об этом у генерала Нищенкова. Там существует с некоторых пор контрразведывательный пункт. Аркадий Никанорович, помнится, хвалил мне офицера, который им заведует. Все хоть какой-то свой взгляд на вещи, отличающийся от спорных открытий Лединга.

– М-да… А начальник края?

Губернатор опять крякнул, потом огорошил гостей:

– Шталмейстер Гондатти в первых числах января отбывает в Петербург. На три месяца!

Алексей Николаевич тоже крякнул, с той же интонацией. Потом вспомнил:

– У меня есть приятное поручение к Нищенкову. Я ж ему привез погоны полного генерала! А также эполеты – новенькие, из столицы. Согласно поручению барона Таубе.

Манакин как человек военный сразу все понял:

– У нас даже командующий войсками округа Лечицкий – генерал-лейтенант. Так что Аркадий Никанорович теперь старший в чине во всем Приамурском крае!

Ступайте к нему с подарком, то-то он обрадуется. И поможет в ваших делах.

Не тратя лишних слов, губернатор велел секретарю соединить его через телефон с комендантом крепости. И сказал ему:

– Ваше высокопревосходительство! Когда обмоем? Читал в приказе, а чарки перед собой не вижу.

Выслушал ответ Нищенкова, повеселел (не иначе, комендант пообещал скатерть-самобранку) и продолжил:

– У меня сидят статский советник Лыков из Департамента полиции и его помощник. Приехали дознавать нападения на ваши казначейства. А тут, понимаешь, Лединг… Да, именно это я и имею в виду. Тебя волнуют сломанные кассы, а меня участившиеся убийства китайцев! Не верю, что все это дело рук хунхузов. И столичные сыщики нам с тобой сейчас очень кстати. Помоги им, пожалуйста. У Лыкова, кстати, солдатский Георгий…

Нищенков стал что-то говорить, но Манакин его оборвал:

– Посылаю статского советника к тебе. Да, он не с пустыми руками, а с подарком. От самого Виктора Рейнгольдовича фон Таубе. Так что, покуда он едет, пошли за ординарцем…

Военный губернатор пожал питерцам руки и велел держать его в курсе дела. И те уехали к железнодорожному вокзалу, в штаб крепости.

Новоиспеченный генерал от артиллерии встретил их заинтригованным. Как и ожидал увидеть Лыков, на его мундире красовались погоны с дырками от выдернутых звезд[14 - Погоны полного генерала не имели звезд. Нищенков просто вынул из них три звезды по своему предыдущему чину генерал-лейтенанта.]. Алексей Николаевич после первых же слов приветствия вручил ему сверток от Таубе. Нищенков раскрыл его и даже вскрикнул от удовольствия:

– Значит, Виктор уже тогда знал? Вы ведь ехали десять дней! И взяли погоны с собой. А я лишь вчера увидел в приказе.

– Знал, ваше высокопревосходительство, и снабдил нас таким презентом.

– Называйте меня Аркадием Никаноровичем. А вас как? Алексей Николаевич, ага. Помощник ваш еще молод, но пусть будет тоже…

– Благодарю, – расцвел Азвестопуло. – Меня звать Сергей Манолович.

– Господа, не желаете принять участие в торжестве? Завтра в десять часов вечера в банкетном зале буфета Офицерского собрания. Будет узкий круг, но я вас приглашаю.

– Нет, Аркадий Никанорович, нам там не место, – уклонился статский советник. – Мы штафирки, наше дело – жуликов ловить. Вашим гостям можем прийтись не по вкусу.

– Ну, как вам угодно. А что Виктор? Привык обходиться одной рукой?

– Виду не подает. В последнее время барон совсем повеселел. Вернулся к прежним секретным делам, все знакомое, родное. А то ведь его чуть было не турнули.

– Да, умеем мы разбрасываться людьми, – согласился Нищенков. – Ну, к делу. Вы приехали дознавать нападения на полковые казначейства, верно?

– Верно. Еще Гондатти просил министра разобраться, кто у вас режет на улицах китайцев, да еще с такой жестокостью.

Комендант нахмурился, склонил голову и какое-то время молча смотрел в пол. Сыщики тоже помалкивали. Наконец хозяин заговорил:

– Я слышал от Михаила Михайловича его затаенную мысль, что убийства эти есть способ китайского правительства запугать своих сбежавших подданных. Он опытный разведчик, просто так не скажет. И потом, уж больно эти смерти совпадают с желанием китайцев вернуть всех своих на родину. Надо бы проверить догадку Манакина. Но как?

– Через агентуру, – мягко сказал статский советник. – Есть же у вас такая?

– До последнего времени не было, ели с ладони у того же Лединга… будь он неладен. Сейчас ситуация поменялась. Штаб Приамурского округа прислушался к нашим просьбам и открыл здесь контрразведывательный пункт. Он же занимается и разведкой, разумеется. Пункт подчиняется соответствующему отделению в Хабаровске. Начальника отделения взяли из жандармов. Они в самом деле лучше строевых офицеров подготовлены к разыскной деятельности. И ротмистр Фиошин, командующий сейчас КРО[15 - КРО – контрразведывательный отдел штаба округа.], для должности подходит. А вот на пункт мы продвинули, не без усилий, поручика Насникова. Он закончил школу офицеров-ориенталистов при Восточном институте, умный, быстро схватывает. На мой взгляд, назначение удачное. Будете иметь дело с ним. Правда, сейчас поручик в отлучке. Выехал на два дня к озеру Ханка, там обнаглели хунхузы. Ведут себя как дома, грабят отхожих и оседлых китайцев, да и русских иногда цепляют. Манзы[16 - Манзы – китайское население Уссурийского края.] под их рукою сеют мак и сдают потом опиум-сырец тем же разбойникам. Вот стервецы! Пытаемся с этим бороться, хотя силы заведомо неравны. Попробуйте-ка сладить с населением, которое настроено к вам враждебно…

Лыков повернул разговор в прежнее русло:

– Мы с Сергеем Маноловичем будем одновременно дознавать оба дела: и нападения на полковые кассы, и убийства китайцев во Владивостоке. Почерки и там и там схожи своим зверством. Возможно, это дело рук одной банды… По первому нам поможет Насников, распоряжение военного министра имеется. А как быть со вторым? Без участия городской полиции мы вдвоем ничего не сделаем.

– Понимаю. Манакин даст команду Лединگу оказать содействие. Однако тот сделает все по-своему. Честной помощи от него не ждите. Больше опирайтесь на нас, иногда на жандармов. Сейчас зима, многие китайцы уехали домой. Полагаю, это облегчит вам задачу. Летом тут такое было – не продохнуть! В одной лишь Миллионке[17 - Миллионка – китайско-корейское гетто во Владивостоке.] обитало пятьдесят тысяч ходей. И половина без билетов[18 - Без документов.].

Генерал от артиллерии взглянул на питерцев и сурово предостерег:

– Идите к полицмейстеру и готовьтесь к двойной игре. Он попытается вас купить, будет предлагать соболиные шкурки или японских проституток – не

поддавайтесь.

Лыков под столом пнул помощника. Но комендант вдруг продолжил:

– Если очень нужны соболя, я же понимаю – жены и все такое, то мы вам и без него подберем.

Азвестопуло тут же пнул шефа в ответ.

Сыщики встали, откланялись и вышли на подъезд. Их уже поджидал вездесущий Царегородцев.

– Господа, – вскричал он, – подполковник ждет! Экипаж при мне, прошу садиться.

Деваться было некуда. Питерцы сели в роскошную коляску и отправились в полицейское управление.

Его двухэтажное здание находилось на углу Суйфунской и Семеновской улиц. Слева от главного дома притулились казарма и конюшня с выездом пожарной части. Над центральным входом возвышалась кокетливая надстройка, изображавшая каланчу.

Полицмейстер, как выяснилось, занимал весь второй этаж. Он принял гостей на пороге, пафосно распростер навстречу им объятья и воскликнул:

– Прошу, гости дорогие! Истомился, с утра не пью, вас жду. Напитки и закуски давно приготовлены.

Лединг оказался нестарым еще мужчиной симпатичной наружности, тонкие усы и зачес делали его еще более привлекательным. Глаза, правда, бегали. Мундир подполковника украшали старшие ордена – шейная Анна и петличный Владимир, оба с мечами! Алексей Николаевич знал, что в русско-японскую войну на ее участников обрушился целый дождь наград. Как будто русские войска взяли Токио… Никогда доселе ордена не раздавали всем подряд без счета. А Таубе не вручили ничего, кроме медальки. Лишь год назад спохватились и кинули Владимира второй степени к тридцатипятилетию службы в офицерских

чинах. По ходатайству Редигера – с мечами, что несколько утешило Виктора Рейнгольдовича.

Но пора было налаживать отношения с хозяином здешней полиции. И Лыков заговорил бодрым голосом:

– Мой наставник Павел Афанасьевич Благово был в прошлом морским офицером. И научил меня хорошему флотскому обычаю. Вы знаете, что такое шестая склянка?

– Нет, а что это? – заинтересованно спросил Лединг.

– По-нашему, по-сухопутному – одиннадцать часов утра. Как только на военном корабле ее пробьют, сразу раздается команда старшего офицера: «Свистать к водке!».

– Ух ты! – восхитился полицмейстер. – Прямо так и кричат? Надо будет ввести в обиход. По городскому управлению.

– Едва команда поступила, все боцманы начинают дудеть в свои свистульки, которые носят на груди. Это сигнал выносить водку на палубу. Особые люди вытаскивают лохань с чаркой, и к ней подходят матросы за своей нормой. Причем по старшинству!

Подполковник слушал, раскрыв рот. Или только подыгрывал? Дав гостю закончить, он указал на часы:

– Шесть склянок давно пробили, а мы еще ни в одном глазу. За мной, господа!

Они сели за большой стол, уставленный бутылками и яствами. Прислуживали им два бравых малых, по виду – городовые. Неужели полицмейстер использует служивых в качестве бесплатной прислуги? М-да…

Стол выглядел превосходно. Омары, устрицы, седло барашка, суп из дупелей, дорогая салфеточная икра, жареный фазан, филиппинский коньяк, метакса (видимо, Лединг желал ублажить и Азвестопуло), лафит и зельтерская, шартрез, китайские пирожки с неизвестной вкуснейшей начинкой… Хозяин подливал и

подливал. Сам он пил наравне с гостями, с провинциальным армейским шиком, говорил банальности и сверлил статского советника внимательным взглядом. Не иначе, составлял ему в уме характеристику.

Лыков мог выпить очень много и не захмелеть, но тут даже он поплыл. Как по команде, мир вокруг сделался уютным, сидящий напротив человек – приятным и обходительным. Деловой разговор, который питерцы несколько раз пытались начать, так и не получался. Генрих Иванович сбивал его сальностями и второстепенными подробностями. Когда речь зашла о текущих делах, он сбегал в кабинет и принес пачку свежих отношений:

– Вот! С утра до вечера служба и служба. Имею я право хоть раз отдохнуть с дорогими гостями? А эти бумажки…

Он стал комментировать их одну за другой:

– Ишь, натаскали за один только сегодняшний день… У всех святки, а подполковнику Лединگу – убиться вусмерть… Я даже прейскуранты цен в меню ресторанов должен утверждать, представляете? Вот до чего низвели полицию. Так, смотрим… Ага! Из городской мусоросжигательной печи похищен дохлый теленок. Задержаны кореец Ген-гиби и китаец Ко Цзыван, утилизирующие падаль. Наверное, хотели скормить в харчевках Миллионки. Далее… По Пекинской улице в доме номер двадцать пять квартира семь отобраны двадцать фунтов опия. Ну, такое у нас каждый день… На Рюриковской ограблен помощник бухгалтера управления военного порта коллежский секретарь Сивоголовкин. Да его за одну фамилию уже надо было ограбить… На Второй Морской юнкер Владимир Никонов схватил налетчика, напавшего на женщину с ребенком, и сдал его городовому. Молодец юнкер, можно хоть сейчас в офицеры производить… Вот интересно! Проходивший по Корейской слободке рабочий каменоломни Большаков споткнулся и упал. Видать, пьяный был, собака. От удара о камни взорвался динамитный патрон, что лежал у Большакова в кармане. Ему оторвало кисть правой руки и вышибло глаз. Вот зачем ему, скажите, понадобился в кармане динамитный патрон? Жалко, что не убило дурака… А вот ябеда антрепренера женского оркестра, что играет в ресторане «Золотой Рог». Дядя жалуется, что артель официантов заставляла его балалаечниц оказывать гостям интимные услуги в отдельных кабинетах. А кто отказывался, тех официанты насильничали и продавали в тайные публичные дома. Многие дамы исчезли бесследно – то ли сбежали куда глаза глядят, то ли прикованы цепью в тех самых борделях…

Вдруг лицо полицмейстера сделалось серьезным.

– Так-так, вот и по вашей части. На пристани графа Кайзерлинга китайские рабочие сгружали уголь с парохода «Олень». А когда сгрузили и ушли, возле пакгауза обнаружился труп желтомазого без документов. С отрезанной головой.

За столом повисла тишина.

– Черт бы их драл всех! – рассердился Лединг. – Что еще за сволочь завелась в моем городе?!

– Манакин выдвинул предположение, что это китайские власти в ответе, – заговорил Алексей Николаевич. – Будто бы таким способом они хотят принудить соотечественников вернуться на родину, в преддверии войны с нами.

– Знаю я эту версию, – мотнул головой подполковник. – Но не могу ее принять. Где такое видано? Бей своих, чтобы чужие боялись?

– Но, может быть, у китайцев так принято? – подал реплику Азвестопуло. – Губернатор говорил, что был консулом в… как его?

– Цицикаре, – подсказал Лединг. – Ну и что? А я служил полицмейстером в Порт-Артуре. И много лучше его превосходительства, уж поверьте мне на слово, знаю азиатские порядки. Да, так могло бы быть – Китай имеет сильные секретные службы и, конечно, контролирует диаспору во Владивостоке. Да и по всему Приморью в целом. Кроме того, к нам часто бегут из Маньчжурии преступники, как уголовные, так и политические. И длинные руки китайской разведки могут – я это допускаю – дотягиваться сюда. Несколько смертей, что мы дознавали, весьма похожи на дело рук пекинских сыщиков. Но не все убийства политические. Поскольку в большинстве своем жертвы последних преступлений – рядовые ходя, черная кость.

– Что же тогда происходит, по-вашему?

Полицмейстер ответил трезвым голосом, словно и не пил весь вечер:

– Обычные цепные убийства[19 - Цепные убийства – серийные.]. Которые совершает маньяк-одиночка. У меня в городе изувер, которому доставляет удовольствие отрезать людям головы и разгуливать с ними по улицам. И еще легкое наружу вытаскивать. Давайте его поймаем, а?

– Давайте, – поддержал предложение статский советник. – Но точно ли, что его жертвы – одни китайцы? Не было ли похожих случаев с русскими?

– Не было, я тоже этим интересовался. Только часовые солдаты, когда грабились денежные ящики.

– Значит, у этого маньяка есть идея фикс. У каждого из них имеется какой-то пункт, где он подвинулся умом. С виду человек как человек, поэтому маньяка так трудно ловить – не отличишь от нас с вами. Надо идею фикс вычислить, и тогда сможем установить круг подозреваемых.

– Согласен с вами, Алексей Николаевич, – бодро заявил Лединг. – Я сейчас вызову сюда начальника сыскного отделения Мартынова, и он доложит, как идет дознание по многочисленным убийствам китайцев. Мы не сидим сложа руки. Ищем, землю роем. Силами вверенной мне полиции.

– Может, лучше завтра? – спросил коллежский асессор, кивая на заставленный бутылками стол.

– А мы заслушаем его в кабинете. Не сюда же звать? Он всего-навсего коллежский регистратор. Хотя человек опытный: служил прежде в петербургской охранке.

Через четверть часа в соседней комнате питерцам представился мужчина заурядной наружности, усатый, угловатый и слегка затурканный:

– Начальник сыскного отделения Владивостокской городской полиции Мартынов.

– И как вас по имени-отчеству? – доброжелательно протянул ему руку статский советник.

– Сергей Исаевич, ваше высокородие!

– А меня звать Алексей Николаевич. Моего помощника, коллежского асессора Азвестопуло, – Сергей Манолович. Давайте дальше без чинов, нам вместе убийц ловить.

– Слушаюсь.

– Мартынов, расскажи гостям, что проделано твоими людьми, – приказал полицмейстер, не предлагая докладчику сесть. Лыков тотчас же вмешался. Он усадил местного сыщика на стул, вынул перо и блокнот, после чего мягко сказал:

– Начинайте. Вот сразу к вам вопрос: режут китайцев и ломают полковые кассы одни и те же люди?

– Трудно такое допустить, ваше высокородие.

Алексей Николаевич понял, что при начальстве Мартынов будет его титуловать, и не стал настаивать:

– Почему вы так думаете? Здесь ключевой момент дознания. Нас с Сергеем Маноловичем прислали сюда раскрыть оба этих дела.

– Поясню. Кончает желтых маньяк, и он сам по себе, одиночка, без сообщников. Судя по следам. Кроме того, в одном случае его видели, правда, издалека, примет составить не удалось…

– Это интересно!

– Разрешите, ваше высокородие, я вернусь к этому позже, а пока отвечу на ваш вопрос.

– Да, продолжайте, пожалуйста.

Мартынов подобрался:

– Одиночка, я уверен. А кассы ломает целая банда, не меньше трех человек. И там серьезные фартовые, не мелкая шушера. Объединяет оба преступления

только жестокость, с какой они льют кровь…

– И еще общий характер ранений, – напомнил Азвестопуло.

– Вы про вытянутое наружу легкое? Отвечу и на это. Не могу себе представить, чтобы в серьезной шайке атаман дозволял кому-то баловство. Так злить полицию! Зачем фанфаронить? Глупо и непрофессионально, если хотите.

– Но почему же тогда…

– И там и там легкое у жертвы тащат наружу? А чтобы сбить нас с толку. Направить на ложный след. Так думаю.

Тут в разговор вступил полицмейстер:

– Мало ли что ты думаешь! Доказательства давай!

Начальник сыскного отделения не смутился:

– А я и даю. Пока на уровне, так сказать, здравого смысла. Сами рассудите, ваше высокоблагородие: разве похожи такие штуки на дело рук настоящих гайменников? Убить – ладно, это объяснимо. Если не снять часового, к кассе не подлезешь. И свидетеля кончить тоже обычное дело. А зачем изуверство творить? Где это видано, чтобы так глумиться над жертвой простому бандиту? Нет, они прослышали насчет маньяка и прикидываются им. Тут обманный ход.

– Пусть так, – не стал спорить Лыков, хотя был не согласен. – Что насчет китайцев с отрезанными головами?

– Голову отрезали всего в двух случаях, – поправил приезжего сыщика местный. – Считая вчерашнего жмурика с кайзерлинговской пристани. А просто с распоротой грудью – таких случаев уже девять.

– Но вдруг у нас два маньяка? – оживился Азвестопуло. – Один по головам, а другому легкое поковырять интересно. Раны в груди везде одинаковы?

– Так точно. Что у солдат, что у китайцев. Злодей каким-то широким лезвием делает разрез между ребер, потом вставляет туда клинок, ставит его на обух и раздвигает ребра. После чего сует внутрь то ли руку, то ли нож, подцепляет легкое и тащит наружу. Иной раз на кулак вытащит, иной – побольше…

– А что со свидетелем? – напомнил Лыков.

– Видел убивца караульщик магазина японских вещей Ватанаба на Пекинской. Были сумерки, и далековато. Парень сумел только рассмотреть, что росту злодей был среднего и сложения обычного, скорее даже субтильного. И все.

– Цвет волос, особые приметы? Походка?

– Больше ничего не сообщил, испугался. Забежал в магазин, заперся и до утра не выходил. Еще бы: злыдень стоял над трупом с ножом в руках и выл волком…

Лыков ввернул свое:

– Те случаи, когда жертве отсекли голову… Там тоже ребра раздвигали? Чем, по-вашему, можно нанести такую необычную рану? Клинок проворачивают, ставят на обух – никогда про такое не слышал. А чем резали шею?

– В первом случае, что имел место возле Покровского кладбища, маньяк орудовал бебутом[20 - Бебут – кинжал с кривым обоюдоострым лезвием.] жандармского образца. Мы нашли его потом на углу Последней и Алеутской, возле брошенной головы.

– А на пристани вчера?

– Там ничего не сыскали. Но похоже на тесак. У изувера манера такая, ваше высокородие: он как вытащит легкое, стоит и ждет, когда жертва скончается. Иногда, чтобы лишить возможности сопротивляться, дополнительно распарывает живот. Видимо, получает удовольствие от вида мучений…

Начальники передернули плечами – представили себе картину. Мартынов равнодушно продолжил:

– Таким образом, имеем одиннадцать покойников-китайцев. Все были без расчетных книжек, приехали на заработки нелегально. Обычная шваль. Едва-едва мы сумели установить их личность.

– То есть на политических преступников или, скажем, на беглых каторжников из Маньчжурии они не тянут? – оживился полицмейстер.

– Так точно, шваль и есть. Рядовые фазаны[21 - Фазан – уничижительное прозвище китайца в Приморье.].

Генрих Иванович победительно посмотрел на питерцев:

– Что я вам говорил? Его превосходительство заблуждается, тут обычный маньяк, а не китайские секретные службы. Зачем им казнить своих босяков?

Первую беседу пора было заканчивать – полицмейстер выразительно подмигивал и кивал на дверь в столовую. Главного сыщика отпустили, договорившись, что завтра утром он примет питерцев у себя в отделении и сделает подробный доклад. Остаток вечера прошел в тех же обильных возлияниях. Но захмелел один Азвестопуло; Лыков с Ледингом были как стеклышко. Подполковник внимательно наблюдал за статским советником и сказал в конце:

– Однако! Давно не видел такой выдержки. У меня уже ноги подкашиваются, а вы, Алексей Николаич, будто вовсе не пили.

– То лишь видимость, Генрих Иванович, – утешил хозяина гость. – Пора нам в номера, да на свежем воздухе прогуляться, головы проветрить. Спасибо за угощение. Повар у вас молодец. Неужели китаец может так сготовить дичь или барашка?

– Мой Чен умеет все! Позвать? Ему будет приятно.

Кое-как питерцы покинули гостеприимного полицмейстера и добрались в номера, чтобы передохнуть. Когда совсем стемнело, Алексей Николаевич чуть не силком выволок помощника прогуляться. Сдуру они пошли на берег бухты напротив Городского базара. Это оказалось ошибкой. Возле Губернаторской

пристани туристов окружили пять мужиков разбойного вида, все как на подбор гренадерского роста. Главный, самый высокий, вежливо предложил:

– Скидавайте пальтишки, господа хорошие. И карманы предъявите. Тогда мы возьмем свое и уйдем, у вас личности останутся целые.

Питерцы переглянулись и захохотали в голос. Хмель у них уже почти прошел, и налетчики совершенно их не пугали. Озадаченный атаман спросил:

– А чего смешного я сказал? Думаете, мы шуткуем?

– Дурак ты, братец, – ответил Лыков. – Я статский советник из Департамента полиции, почти что генерал. Ты хоть представляешь, что с тобой будет, если ты на меня руку поднимешь?

Двое из громил занервничали, но вожак отрезал:

– Плевали мы на твои чины! Как дам в арбуз – выручит тебя должность?

– Ты хоть кто такой? Назовись.

– Мы из Общества прикосновения к чужой собственности. И непременно щас прикоснемся.

Алексей Николаевич бросил помощнику:

– Пора наказать.

Верзила сунул руку в карман, но больше ничего сделать не успел. Лыков перехватил его кисть и без замаха врезал главарю в челюсть. Азвестопуло пнул в пах ближайшего, тот с руганью согнулся и лег на землю. Оставшиеся без боя бросились наутек.

Захватив двух пленных и настучав им для порядка по головам, полицейские вынули свистки. Вскоре от Триумфальной арки прибежал постовой городовой, и от рынка – караульщики. Через полчаса питерцы ввалились на Комаровскую улицу, дом сорок восемь, в сыскное отделение, и сдали грабителей на руки

Мартынову. Тот даже не удивился, а стал оприходовать фартовых. Причем сразу же опознал главаря:

– Ба, Кувалда! Допрыгался, хорь бесхвостый. Говорил я тебе – уезжай из Владивостока, ан нет. Теперь посиди в арестантских ротах. На статского советника напасть – надо было додуматься!

Кувалда после трепки имел жалкий вид, и Лыков решил попытать счастья:

– Сергей Исаевич, дайте я его допрошу. Пока он мягкий.

Мартынов как опытный сыщик тут же сообразил, что питерец прав, и отвел ему свой кабинет.

Атаман сидел на табурете и вытирал рукавом кровь из разбитой губы. На Лыкова он смотрел без особого страха, но и без гонора. Получится ли сломать такого с ходу? Алексей Николаевич велел подать арестанту чая, а сам сел изучать его учетную карточку. Малясов Агафон Нефедов, из ссыльных крестьян, сорок четыре года. Отбыл девять с половиной лет каторги на Сахалине за разбой. Вышел на поселение в девятьсот шестом, приписан к крестьянам Приморской области Ольгинского уезда Цемухинской волости и села год назад.

Этим допросом Алексей Николаевич потом долго гордился. Действительно, он проявил настоящую интуицию, без которой нет хорошего сыщика. Вдруг, ни с того ни с сего, повинуясь только что пришедшей в голову догадке, Лыков спросил:

– Скажи-ка мне, Агафон Нефедыч, кто у вас в городе китайцев режет?

И Малясов ответил без раздумий:

– Раньше-то ему прозвище было Христосик. А теперь, сказывают – Чума.

– Христосик? Что за кличка такая странная?

– Да он, ваше высокородие, смолоду был тихий да на кость тонкий. Я ведь его по Сахалину знаю. Папаша его в каторге сидел, там его и зарезали, к слову будет

сказать…

– За что?

– А за борзость. Казацкого сословия был папаша, много о себе представлял. Я-де урядником был, у меня мядаль за китайский поход… С хунхузами сцепился. А хунхузы – такой народ, с ними в каторге никто не связывался. И зарезали бывшего урядника.

– Понятно. А что сын, он тоже в тюрьме сидел?

Кувалда пожал плечами:

– Может, и сидел. Опосля. Там, на Сахалине, он был еще малолетний. Ну, пристроили парня к делу, там всем применение найдут. Наводчиком стал, на стреме стоял. Оталец[22 - Оталец – молодой начинающий вор.], одним словом.

Сыщик стал задавать уточняющие вопросы:

– Это было перед войной с японцами?

– Ага.

– В каком округе?

– Да в Александровском посту, в самой сахалинской, стало быть, столице.

– Отца зарезали, а сын сделался отальцом… Сколько годов ему тогда было?

Бандит задумался:

– Дык… двенадцать, надо полагать. Может, тринадцать.

– Где он жил? При матери?

– Не, ваше высокородие, матери уже не было, сирота был Христосик. Жил в приюте, а воровать ходил в Ново-Михайловку, там их шайка квартировала.

– Кто атаманил, не помнишь?

– Такого детину рази забудешь! Большой Пантелей шел за атамана. Фигура, маз первый сорт, без малого «иван».

Азвестопуло хотел что-то спросить, но статский советник посмотрел на него так свирепо, что у грека язык прилип к нёбу.

– А фамилия какая у Христосика?

– Фамилия? Почтарев. А по имени Тертий.

Лыков нащупывал нужную нить разговора, понимая, что уголовный вот-вот замкнется и перестанет давать показания.

– А что стало с Тертием, когда пришли японцы?

– Дык, знамо что… Два приюта числились на Сахалине, для мальцов и для девчонок. Власти оба и бросили, когда драпали. Японцы их, баяли, в Петербург отправили, сжалились над детишками.

– Когда же Христосик превратился в Чуму? Ты его недавно встречал? Здесь, в городе?

Кувалда заерзал, происходящее явно перестало ему нравиться:

– Не встречал, а разговор об нем был.

– С кем разговор?

– Да не помню я. Спьяну баяли.

– Агафон, не ври. Доскажи, что тебе известно, и в камеру пойдешь. О твоем признании никто не узнает, я его в протокол не внесу.

Малясов только хмыкнул. Статский советник вынул из бумажника два червонца и помахал ими перед носом арестанта:

– Видал? Сейчас впишем в опись изъятых вещей, будут твои по закону.

– Вписывайте! – оживился задержанный.

– Азвестопуло, бегом за описью, – приказал Лыков. Его помощник опрометью бросился вон, статский советник остался один на один с бандитом:

– Говори быстро, пока никого нет!

Малясов ответил шепотом:

– Снова он при Большом Пантелее обретается. Где-то здесь, в Новой Корейской слободке. Парня я видел и узнал. И он меня узнал. Говорит: я теперь Чума, а не Христосик. Вырос-де.

– На улице было дело?

Рослого, плечистого бандита аж передернуло:

– Стоит он как царь Горох, гордо и вызывательно. Рука ерзает: то вынет из кармана ножик, то опять уберет… И говорит не по-простому, а будто пророк святой: ух сколько я тут китаез порезал, и еще больше порежу эту дрянь косорылую, попомнят они меня! О как.

– Так прямо и похвалялся? – не поверил сыщик.

– Ей-ей. Гордится этим.

– А не врал он? Кто же о таких вещах перед первым встречным похваляется?

– Не врал, ваше высокородие. Глаза черные, как у сатаны. А к китайцам он злобу большую всегда имел.

– Это из-за отца, которого хунхузы зарезали?

– Из-за папаши, верно, – кивнул арестованный. – Но и до того парень крови ихней нанюхался. Маленький совсем был, когда в Благовещенске китайцев в Амуре топили. Слыхали про то, поди… Ну, отец там был заправилой, много желтых порешил своими руками. Может, и мядаль ему за то вручили? А сынок помогал в тую сумятицу людей резать. Десять годов от роду, а папаша его к убийству приспособил. Ну и… умом он двинулся, наверняка. Разве можно робенка к такому приучать?

Лыков не понял, за что в Амуре топили китайцев, но спросить не успел: вошел Азвестопуло с бумагами. Фартовый сразу замкнулся. Они вписали два червонца в опись изъятых у того вещей, и Малясов попросился в камеру:

– Кумпол болит, ваше высокородие. Опосля того, как вы по нему кулаком приложили. К земле клонит, ей-ей.

– Это за то, что покусился на статского советника. Я же тебя предупредил.

– Кабы я тогда знал, какие бывают советники… Бежал бы без оглядки до Эгершельда. Кулак ваш из чугуна лили, не иначе.

– Ну, ступай. Завтра начальник сыскного отделения снимет с тебя форменный допрос, уже насчет твоих подвигов. Пока отдыхай.

Фартового увели, а Сергей с восхищением подсел к шефу:

– Вот это да! Только вчера приехали, а сегодня вы уже имя маньяка узнали – так, получается?

– Надо сначала все внимательно проверить по бумагам, – сдержал восторг помощника Алексей Николаевич. – Таких чудес не бывает. Вдруг Агафон пулю отлил? Хотя говорил он серьезно, а на последних словах как лист дрожал. Очень его подросший Христосик напугал.

– Ну-ка выкладывайте, что я пропустил?

Шеф пересказал и подытожил:

– Неправдоподобно все это. Маньяк сам о себе сообщает такие вещи, и кому? Случайному знакомому. Скажи, так разве бывает?

– Кто их знает, маньяков этих. У них, может, и бывает – они же чокнутые.

– Чокнутых быстро ловят, а этот?

Азвестопуло резонно заметил:

– Но его как следует еще и не ловили. К убийствам китайцев русская полиция относится, мягко говоря, безразлично. А в душе скорее одобряет. Одной обезьяной меньше, и черт бы с ней! И если бы не отрезанные головы и выпущенные потроха, нас бы сюда никто и не прислал. А Мартынову и без того дел хватает. Городок бешеный: порт, таможня, граница близко, китайцы точат ножик на монголов, корейцы на японцев, контрабандисты, хунхузы, сахала[23 - Сахала – темная публика, выехавшая из Сахалина в Приморье после упразднения каторги.], опиум, золотодобыча, пушнина, контрабанда спиртного…

– Ладно. Если мы напали на след, надо действовать быстро. Пошли к Мартынову, обрадуем коллежского регистратора.

Начальник отделения выслушал и не поверил своим ушам:

– Это арестант нынешний рассказал? С первого слова, без тычка, без мордобоя?

– Я воспользовался моментом, пока он в себя не пришел. Душевно разговор начал, не чтоб на испуг взять, а по-хорошему.

– Глот девять лет на Сахалине оттянул, а тут с одной оплеухи сделался как шелковый? Вы сами-то верите в его слова?

Лыков понимал, что такой вопрос будет задавать ему теперь каждый. И стал терпеливо убеждать:

– Ни во что я не верю, но допускаю, что это ниточка. Врать они все врут, нам ли с вами, Сергей Исаевич, того не знать. Но след! Какой-никакой, а след. Если даже Кувалда оболгал земляка-сахалинца, то зачем? Кого он покрывает? Потянем, потянем, да что-нибудь и вытащим. Вы знаете Тертия Почтарева? Он у вас нигде не проходил?

– В первый раз слышу, Алексей Николаич. Надобно проверить по архиву. Вдруг мой предшественник Тютюнников его арестовывал?

– Но про Большого Пантелея уж точно должны знать.

Мартынов развел руками:

– Читал в сводках на розыск, но не более. Неужто этот змей в моем городе? Сигналов нет, агентура молчит.

Лыков стал рассказывать по памяти:

– Погибельцев Пантелеймон Филатович, без трех минут «иван». Старый сахалинец. Прославился в тысяча девятьсот третьем году. Тогда шестеро беглых каторжников дерзко ограбили канцелярию Корсаковского округа. Унесли в тайгу денежный ящик, в котором было шесть тысяч рублей. Лихое вышло дело, но окончание его еще сильнее. Этот самый Погибельцев, который тогда тоже находился в бегах, пошел со своей шайкой по следу молодцов. Нашел их в тайге, перестрелял, как собак, и завладел деньгами. Вот такой у нас противник.

– Как мог беглый перестрелять целую шайку? У него что, пулемет был с собой? – не поверил начальник отделения.

– Это, Сергей Исаевич, уже другая история. Но тоже сахалинская. Десятью годами раньше, в тысяча восемьсот девяносто третьем, в бухте Гадайчи у берегов острова сел на мель пароход Добровольческого флота «Владивосток». Он вез арестантов, а еще воинскую команду. Команда была вооружена винчестерами, такая очень хорошая магазинная[24 - Многозарядная.] винтовка. Людей с корабля кое-как спасли, а груз затопило. Жившие поблизости орочены много лет ныряли и доставали утонувшие вещи. В том числе они добыли и винчестеры. И стали ими приторговывать или обменивать на водку.

Погибельцев, не будь дурак, и приобрел оружие. Тогда его отряд стал самым опасным, кое-как угомонили чалдона. Он получил новый срок, во время войны каторгу перевели на материк. Погибельцев бежал из Александровской центральной тюрьмы два года назад, находится в циркулярном розыске. Очень опасный. Силы, говорят, неимоверной – наверняка он и перебрасывал кассы через высокие пали…

– Погодите, погодите, – остановил питерца хозяин. – Никто еще не доказал, что громят кассы и режут китайцев одни и те же люди. Я вам приводил свои возражения.

– Поймаем и спросим, – не стал спорить статский советник. – Однако, если Погибельцев обосновался во Владивостоке, у вас появилась серьезная причина нервничать.

– У меня таких и без него десяток. Если из-за всех нервничать, никакого здоровья не хватит.

– Большой Пантелей, конечно, фартовый как фартовый, демонизировать его не будем, – опять согласился Алексей Николаевич. – Но насчет касс скажу: калибр его. Про отрезанные головы ясно, что на бывалого маза не похоже – зачем ему полицию злить? А вот подломить кассу, приколоть заодно двух-трех человек – тут похоже.

Мартынов зло крутанул головой и перевел разговор на другое:

– Ваш разговорчивый пленный подписал протокол допроса?

– Нет, конечно. Это устная информация.

– Устная что?

– Ну, сведения он согласился дать только устно, без протокола.

– А… Ну тогда им грош цена. Слова к делу не пришьешь.

Командированный начал заводиться. Городской сыщик явно хотел заболтать вопрос, а не вывести дознание на правильный путь. Точнее, правильным он казался Лыкову. А Мартынов упорно с него сворачивал. Почему?

– Сергей Исаевич, у вас есть другие версии? – стараясь быть сдержанным, возразил питерец. – Может, агентура что-то подсказала? Или вы преуспели в своем дознании еще до нашего приезда? Молчите? Понятно. А почему тогда не хотите воспользоваться моей версией?

Коллежский регистратор прятал глаза. Статский советник нажал:

– У вас все сведения только под протокол получают? И никак иначе?

– Ну, по-всякому бывает.

– Чего же вы ерепенитесь?

– Да не ерепенюсь я, – вздохнул главный городской сыскарь. – А про Лединга думаю.

– А что Лединг?

– Он довольно долго относился к убийствам китайцев без интереса, – понизил голос Мартынов. – Отмахивался, когда я просил прибавить мне людей для розыска маньяка. Ведь смешно сказать: в сыскном отделении восемь штыков считая меня. Жалованье сами знаете какое… Я, чтобы удержать людей, не занимаю одну вакансию полицейского надзирателя и одну – городового. Экономию раздаю тем, кто в штате. На агентуру и того хуже. Год вот-вот кончится, и на первое полугодие следующего мне из сыскного кредита полагается двадцать четыре рубля семьдесят восемь копеек! Ну какая агентура может быть на такие деньги? Смех один.

– Вы давайте про Лединга, – остановил причитания владивостокца питерец. – Штаты у всех маленькие, и жалованье тоже.

– Слушаюсь. Поиск убийц желтых он поручил китайской полиции. Которая мне не подчиняется и ведет дознание своими средствами.

Тут заговорил долго молчавший Азвестопуло:

– Сергей Исаевич, расскажите нам про эту полицию. Нигде в России такой больше нет, мы с Алексеем Николаичем плохо представляем себе ее возможности.

– Значит, так, – подобрался коллежский регистратор. – Прежде всего, другая такая имеется в Хабаровске, и она была учреждена раньше нашей. История там длинная, слушайте.

И Мартынов начал рассказ.

Глава 3

Про китайскую полицию и китайскую преступность

Сообщил он следующее. Первая туземная полиция была создана в столице генерал-губернаторства аж в 1900 году. Там сложилась трудная криминальная ситуация. Китайцы хлынули в Приамурье, и не только мирные манзы, но и разбойники, беглые в розыске, военные дезертиры и прочие паотуйцзы[25 - Паотуйцзы (букв.: «бегущие ноги») – беглецы, бродяги, лица, скрывающиеся от полицейского преследования.]. Китайские купцы в Хабаровске терпели-терпели бесконечные грабежи, а потом не выдержали. И обратились к начальству с просьбой разрешить им содержать на свой счет полицейских чинов из китайских подданных для борьбы с преступностью в китайской же среде. Разрешение было дано, и при городском управлении появилась туземная полиция из лиц, выбранных самими купцами. Дело вроде бы пошло, но в 1908 году полицмейстер Хабаровска Тауц уволил всех желтых городовых, заменив их своими ставленниками. Мотивировал он это тем, что прежние городовые за все время службы не раскрыли ни одного преступления! Зато постоянно собирали дань с подпольных банковок, опиекурилен и домов терпимости. А многие и сами содержали такие преступные промыслы.

Купцы вскоре пожаловались Приамурскому генерал-губернатору: новые полицейские китайского населения не знают, к службе не способны, и с их

приходом количество злодеяний резко пошло вверх. Генерал-губернатор отослал жалобу тому же Тауцу и потребовал разъяснений. Полицмейстер ответил, что китайские сыщики плохи все поголовно – и старые, и новые. И те, и другие, вместо того чтобы ловить преступников, покрывают их. За деньги, разумеется. И потому китайскую полицию надо упразднить вовсе.

Желтая полиция в Хабаровске все-таки осталась. В других городах края, где расплодились китайцы, местные власти пошли по другому пути. В Благовещенске и Никольске-Уссурийском просто выделили околоточного надзирателя, придали ему десяток городовых и переводчика. И объявили ответственным за борьбу с туземной преступностью. Конечно, особыми успехами такие слабые силы похвастаться не могли… Выходцы из Поднебесной захватили все городские рынки, оседлали контрабанду, торговлю спиртным, золотодобычу и делали что хотели. Русская же полиция исправно получала от заправил огромные деньги и потому закрывала на происходящее глаза. По мнению Мартынова, бороться с этим было бесполезно: китайские «иваны» купят любого.

Рассказав о других городах, коллежский регистратор перешел к положению дел во Владивостоке. Здесь в 1901 году все те же китайские купцы обратились с просьбой разрешить им создать и содержать свою полицию по образцу хабаровской. К этому их вынудила ситуация на Миллионке. Второй и Третий участки, на территории которых находился криминальный квартал, явно не справлялись с желтой преступностью. Закоперщиком просьбы выступило Главное Владивостокское китайское торговое общество, объединяющее самых богатых предпринимателей. Купцы добились того, что были заведены должности десятников, которые начали следить за порядком. Но повторилась хабаровская история. Помощник полицмейстера Шкуркин, выпускник Восточного института и языковед, решил переделать все по-своему. Он уволил назначенцев купечества и поставил своих. А общее руководство поручил китайскому подданному Сун Жихио, владельцу известного магазина «Сан-ши-юн» на Пекинской улице. Вскоре торговцы стали жаловаться, что новые десятники рука об руку с хунхузами обирают их и держат в страхе все туземное население. Власти провели дознание и уволили всех шкуркинских ставленников. Упразднив желтую полицию на корню. Сам «языковед» спасся от суда лишь благодаря тому, что добровольно ушел воевать с японцами…

Вторично туземная полиция была создана в 1908 году. К тому времени Миллионка окончательно распоясалась. Большой квартал вокруг Семеновского рынка китайцы и корейцы облюбовали давно. Он ограничивался улицами

Светланской, Алеутской и Последней. Четвертой стороной квартал выходил на Амурский залив. Там каждую ночь беспрестанно чалились лодки с контрабандой и нелегальными мигрантами без паспортов, приплывшими искать счастья.

Миллионка сделалась огромным притоном, недоступным надзору русской полиции. В узких улочках проживало в летние месяцы свыше пятидесяти тысяч человек! Они сидели друг у друга на головах, в жуткой антисанитарии. Многие ни разу не выходили за пределы квартала, поскольку к их услугам все имелось и там: лавочки, публичные дома, парикмахерские, бани, восточные лекари… Внутри этой «владивостокской Хитровки» царили азиатские нравы – жестокие и не терпевшие внимания полиции. Одних только харчевен и кабаков насчитывалось полторы сотни. И в каждой играли в домино, курили опиум и предлагали рабынь. Завсегдатаи жуткого места не боялись облав: проходные дворы, проулки и деревянные галереи поверху позволяли им быстро улизнуть. И количество преступлений тут было запредельно высоким, счет им каждый год шел на тысячи.

В притонах Миллионки находили себе укрытие на зимние месяцы атаманы банд хунхузов. Здесь же много лет изготавливали фальшивые деньги, как китайские, так и российские. Подделывали почтовые и акцизные марки, фабриковали вещи известных фирм, гнали ханшин[26 - Ханшин – крепкая китайская водка.], торговали живым товаром. А еще готовили партизанскую борьбу.

Эти слова питерцы попросили разъяснить. Сергей Исаевич напомнил, что в 1910 году японцы аннексировали Корею и установили там оккупационный режим. Многие корейцы приняли его и вполне неплохо уживаются с захватчиками. Но многие решили бороться. Самые активные из несогласных перебрались в Россию и здесь собирают и вооружают партизанские отряды. Которые потом засылают через границу обратно. Базы снабжения, вербовочные пункты, штабы – все прячется на той же Миллионке. Японская разведка шлет сюда своих шпионов, подглядывать за борцами. Те и другие шляются по кварталу и иногда режут друг друга. И вообще, корейцы гораздо злее и опаснее китайцев. С ними вообще никто не связывается. Во время неудавшейся революции пятого года владивостокская чернь решила устроить погром китайцев и заодно поживиться их имуществом. Те в страхе сидели и ждали, когда их начнут резать. Но на границы квартала вышли вооруженные корейцы и объявили, что погрома не потерпят. И вся русская шушера убралась восвояси.

Так вот, семь лет по улицам ходили только русские городовые, а этническая преступность росла. Два года назад китайскую полицию во Владивостоке восстановили. Деньги на ее содержание, как и прежде, давали туземцы. Старшим назначили околоточного надзирателя Порнека. Ему подчинялись десять русских городовых и семь китайцев. Последние получили форму и щеголяли латунными бляхами с надписью «китайский десятник». Служба считалась среди туземцев престижной, от желающих не было отбоя. Десятников, как и их подчиненных, тщательно отбирали. Видимо, в китайской полиции имелось и собственное негласное сыскное отделение. Точными данными об этом Мартынов не располагал: полицмейстер не пускал внутрь посторонних.

Лединг с самого начала проявил к новым подчиненным повышенный интерес. Еще в Порт-Артуре он вошел во вкус азиатских секретов. И привез оттуда трех китайцев-переводчиков, людей алчных и с преступными наклонностями. (На этом месте Мартынов сбился и увел разговор в сторону.) Таков же был и Порнек, земляк Генриха Ивановича по Курляндии. Доверенное лицо своего шефа, Порнек завел в «своей» полиции особые порядки. Такие, что на него тут же посыпались жалобы военному губернатору. Лединг был вынужден заменить приятеля помощником пристава Третьего участка Блуком. Тоже, к слову сказать, курляндцем. Однако надзор полицмейстер оставил за собой. От желтых главную роль играл некий Юйхундэ, старший десятник. Его выбрал лично Лединг и принимал ежедневно один на один. И жалобы на вымогательство денег только усилились.

Тут Мартынов снова сбился и потребовал чаю, всем видом показывая, что разговор пора прекращать. Его очевидно смущали собственные подчиненные, которые то и дело ломились без стука в кабинет с различными бумагами. Особенно нервничал он, когда входил полицейский надзиратель Максюта.

Лыков понял, что не нужно требовать лишнего, и спросил в лоб:

– Лединг не поверит устным показаниям Кувалды? И потребует протокола с его подписью?

– А то и сам захочет провести допрос.

– Малясов не станет откровенничать с полицмейстером. Учитывая репутацию последнего.

– Вот и я об этом, – признался начальник отделения. – И чего тогда стоят его слова, сказанные вам? Пшик.

– Но львиная доля сведений в нашем сыскном деле так и приходит. Вы ведь не сообщаете начальству фамилии ваших осведомителей, когда они приносят что-то важное.

– Стараюсь не сообщать, – уклонился от прямого ответа Мартынов. Питерцы задумались. Что же за дела творятся на краю земли? Неужели полицмейстер Лединг лезет в святая святых, в секретную агентуру?

Но тут опять зашел Максюта с каким-то пустяком. Складывалось впечатление, что он желает знать, о чем так долго главный сыщик беседует с командированными. Лыков не удержался и спросил:

– Вам чего тут надо?

– Так что… срочное отношение.

Статский советник вырвал у надзирателя бумагу, пробежал ее глазами и бросил на стол:

– Чтобы, покуда я беседую с господином Мартыновым, сюда никто не входил. Ясно?

– Э… так точно.

– Выполнять!

Надзирателя как ветром сдуло.

– Он? – спросил Алексей Николаевич.

– Если бы только он один, – вздохнул хозяин.

– Кому вы верите более других?

– Дзениту.

– Кто это?

Мартынов впервые улыбнулся:

– Околоточный надзиратель, прикомандирован к отделению. Порядочный, толковый. Исполняет роль моего помощника – неофициально, поскольку в штате такой должности нет.

– Опять курляндец?

– Да, и потому его мне и подсунули. Но Карл плесом бить[27 - Бить плесом – доносить.] не стал, а объяснился по-честному. Теперь мы вместе решаем, что…

Он опять замялся, и Азвестопуло продолжил за него:

– …что сообщать начальству.

– Примерно так, – вздохнул коллежский регистратор.

– Сергей Исаевич, что все же говорят ваши осведомители? – как мог сочувственно спросил Лыков. – Неужели ни слова о тех, кто громит кассы?

– Мы подозреваем некоторых, но сведений ноль. Вы вот давеча стращали меня Большим Пантелеем. Если-де он в городе, то у меня большая головная боль. Эка напугали, прости господи… А не желаете узнать, от чего моя голова по-настоящему болит? Где-то во Владивостоке прячутся Ленька Кудрявчик и Петька Грузин.

– Они у вас? – поразился Алексей Николаевич. – Оба?

Он повернулся к помощнику и стал рассказывать:

– Ленька – это Леонид Васильевич Доморацкий, сын судебного пристава Первого Бакинского городского мирового отдела. И атаман шайки убийц. Бежал с Нерчинской каторги и сейчас живет разбоем. А Петька, скорее всего, Роджен Глонти, уроженец села Мелекедури Озургетского уезда Кутаисской губернии. Отбывал на Сахалине каторгу за убийство, вступил в дружину, отличился в боях с японцами и удостоен за храбрость Знака отличия Военного ордена четвертой степени[28 - Солдатский Георгиевский крест 4-й степени.]. Восстановлен в правах, но остался бандитом. Подозревается во многих крупных преступлениях, входит в близкий круг Нико Ононашвили[29 - См. книгу «Столица беглых».], которого ты помнишь по Иркутску.

Лыков перевел взгляд на владивостокца и спросил:

– Среднего роста, коренастый, рыжие усы и голубые глаза навыкате?

– Агентура описывает так. А прячется где-то в темных слободах, даже не знаю, где именно. И сами рассудите, Алексей Николаевич – до Пантелея ли мне? Тьфу на него и растереть. Покуда он сам о себе не напомнит каким-нибудь кровопролитием.

– Да он уже напомнил, три кассы у военных сломал!

– Это не доказано, – отрезал Мартынов. – Разве Петька с Ленькой на такое не способны? То-то и оно… ваше высокородие.

Разговор зашел в тупик. Лыков поднялся:

– У вас когда ближайшая облава на Миллионку?

– Через три часа, а что?

– Возьмите нас с Сергеем Маноловичем. Хотим поглядеть на вашу местную «Хитровку». А то после ростовской Богатяновки скукота одна.

Начальник отделения оживился:

– А вы бывали на Богатяновке?

– Приходилось[30 - См. книгу «Фартовый город».].

– Слыхал и я про нее… Ну, милости прошу к нашему шалашу. Приходите в половине двенадцатого. Оружие не забудьте. Чай, не с пустыми руками приехали? А то могу выдать временно, из конфиската.

Коллежский асессор молодецки похлопал себя по карману и сказал:

– Не требуется.

Питерцы ушли. Они спокойно отужинали в «Тихом океане», затем размялись по Светланской. Идти куда-то еще не решились – уж больно Владивосток горист. Одна только главная улица была относительно ровной, прочие уходили в сопки. Лыков в свои почтенные годы обленился лазить вверх-вниз и молодому помощнику запретил. Опять же Светланка, как любовно называли ее местные, предоставляла все удобства. Яркое электрическое освещение, великолепная гранитная мостовая, витрины магазинов и ресторанов, множество экипажей, забитая океанскими судами бухта – все это радовало глаз и будоражило воображение.

К указанному времени питерцы вернулись на Комаровскую. Во дворе встали в круг шесть человек. Лица их едва угадывались в свете одинокого фонаря. Они были спокойны: привычные к ночным облавам сыщики не мандражировали, курили в ожидании команды и тихо переговаривались.

Вышел Мартынов и поименно назвал своих подчиненных гостям:

– Надзиратели Тарногурский, Максюта и Колмаков. Городовые сыскного отделения Лисач, Волобуев и Скварек. Еще один городовой, фамилия его Попето, остается дежурить в отделении. Вот и весь штат!

Лыков демократично пожал руки всем, включая городовых. После знакомства начальник объявил подчиненным задачу: проверить сорок первый дом по Семеновской улице. Те загоготали: знакомое место, сколько раз там бывали! Алексей Николаевич внимательно следил за полицейскими, но они не

выказывали никакого волнения. Похоже, облава на Миллионке – а Семеновская находилась в самой середке клоаки – их не пугала.

К удивлению приезжих, арестная команда дошла до нужного дома пешком. Спускаясь к заливу, Лыков видел огни на воде: вполне возможно, что шустрые ребята сгружали на берегу контрабанду (Амурский залив, в отличие от бухты Золотой Рог, не замерз). С каждым шагом огни становились ярче, толпа – гуще, а вонь заметнее. Особенная вонь, азиатская: терпкая смесь из миазмов вперемешку с экзотическими ароматами, в которых иногда угадывались специи. Люди, завидев полицейский отряд, молча расступались и потом долго смотрели им вслед. Некоторые разворачивались и пускались наутек. Мартынов и его чины не обращали на беглецов никакого внимания.

Вот и сорок первый дом! У ворот сыщиков встретил китаец с бляхой десятника и показал нужную дверь. Сыщики сгрудились у входа. Алексей Николаевич увидел, как две тени быстро мелькнули в крытой галерее и скрылись в сторону базара. Он указал на них Сергею Исаевичу, но тот лишь отмахнулся:

– Всех никогда не поймаешь, черт с ними.

Удивление питерцев нарастало. Вот команда ворвалась в комнаты, и сразу стало ясно, что там действительно располагался притон. В трех комнатах дымились опиумные кальяны, в четвертой на низеньких столах валялись счетные палочки для домино. Несколько человек, обкуренные до одури, лежали на грязных циновках. Хозяин с ахами и охами давал на ломаном русском языке пояснения надзирателю:

– Капитана, мало-мало себя содержать… Фсе мои друзя, зашли гость, хотел узе уходитя…

Мартынов расхаживал по комнатам и диктовал Максюте:

– Три банковки медные, в них денег… семьдесят шесть рублей сорок копеек…

При этом главный сыщик сунул себе в карман взятую со стола пачку мелких купюр. Покосился на питерцев и сказал:

– Должен же я из чего-то наградные выдать своим людям.

Отвернулся и продолжил:

– Костяшек для банковки двадцать три штуки. Курительных лампочек… Тарногурский, сколько там лампочек?

– Девятнадцать, ваше высокоблагородие[31 - Надзиратель, как было принято, титулует начальника по классу занимаемой должности.].

– Пиши: девятнадцать. И два фунта опиума-сырца. Хотя нет, исправь на один. А это что в бутылях? Попробую… О, ханшин, самый лучший, из чумизы. Раз, два… семь четвертей. Одну заберите в отделение, пригодится.

Надзиратель усердно строчил в блокноте. Во всем обыске Лыкову чудилось что-то ненастоящее. Словно владивостокские сыщики разыгрывали перед приезжими спектакль. Окончательно статский советник понял, что происходит, когда китаец-десятник протянул Мартынову лист бумаги.

– Еще два? – спросил тот, глянув в записи, и китаец молча кивнул.

Тут Максюта ушел в соседнюю комнату. Лыков бесцеремонно отобрал бумагу у главного сыщика и помахал ей в воздухе:

– Агентура донесла? Или господин подполковник распорядился?

По затравленному взгляду Мартынова он понял, что попал в точку, но решил убедиться в этом наверняка:

– Это те, кто не платит дань?

– Ваше высокородие, прошу вас обратить этот вопрос к господину полицмейстеру.

Алексей Николаевич махнул рукой Азвестопуло и молча вышел на улицу. Там воздух был ненамного чище, чем в притоне…

– Фу… Как они тут дышат?

Грек выглядел расстроенным:

– Я правильно вас понял?

– Правильно. Все это была театральная постановка для приезжих. Банковки, опиум – настоящие. Только облава липовая. Потому как в соседнем доме все то же самое. И по всей улице так. И по другим не лучше. Но они платят ясак подполковнику Лединг у, и к ним полиция не ходит. А к тем, кто жмотится, посылают Мартынова. И нас, дураков, в придачу.

Не прощаясь и не объясняясь, питерцы отправились к себе в гостиницу. На душе у обоих было тошно. Однако вскоре Азвестопуло начал хорохориться:

– Ну и чего тут нового? Будто в других городах не так.

– У Блажкова в Ростове иначе. И в Иркутске, и в Семипалатинске.

– Да? А в Киеве как? В Одессе? В Могилеве?

Коллежский асессор назвал города с самыми продажными полицейскими. Его начальнику нечего было ответить, и он со зла выругался.

На следующее утро, позавтракав, командированные отправились все на ту же Комаровскую. Курившие у входа надзиратели, завидев их, почему-то тут же скрылись внутри. Питерцы почувствовали недоброе. Они прошли в кабинет Мартынова. Навстречу им поднялся бледный Сергей Исаевич. Он зачем-то вытянул руки по швам и доложил, запинаясь:

– Ваше высокородие! Арестованный вчера Малясов час назад убит при попытке к бегству.

– Что?

Лыков поискал стул, нашел его и сел, борясь с душившим его гневом. Досчитал до десяти и поднял глаза на коллежского регистратора:

– Как это случилось? И кто стрелял?

– Сию минуту их допрашивает господин подполковник…

– Допрашивает или инструктирует, что отвечать мне?

Мартынов побелел еще больше и начал заикаться:

– Я п-попрошу избавить меня от в-в… ваших намеков…

Понимая, что он лично ни при чем и не заслуживает такого обращения, Алексей Николаевич встал и отправился на Алеутскую. Но Лединга не оказалось на месте. Секретарь доложил, что полицмейстер на докладе у военного губернатора, и с ним те два конвоира, которые застрелили арестанта. Питерцы кинулись следом.

В кабинете Манакина они увидели следующую картину. Лединг с всклокоченными волосами патетически взывал к начальнику области:

– … тут он как толкнет Артизанова, да как побежит! Но Собачкин – вот молодец! – не растерялся и свалил негодяя наповал. Едва-едва тот не ушел.

– А почему стрелял не по ногам? – с ходу, не здороваясь, налетел на служивого Лыков. Тот вытянулся и доложил:

– Маркел Собачкин, городовой старшего оклада Второго участка!

– Так почему не по ногам, а?

Собачкин озадаченно покосился на полицмейстера. Тот подскочил и взял питерца за рукав:

– Да патронов мало дают на учения. И потом, что такого? Хуже было бы упустить. А тут одной каторжной рожей меньше.

– Да, Алексей Николаевич, – поддержал вдруг подполковника генерал-майор. – Городовой действовал по обстоятельствам. Я одобряю его поступок. Собачкин! От меня тебе награда пять рублей. Генрих Иванович, вставьте в приказ по управлению.

– Слушаюсь, ваше превосходительство.

Лыков понял: какими бы ни были отношения между губернатором и полицмейстером, на глазах приезжих местные всегда сговорятся. Однако он счел нужным спросить радостного Лединга:

– Мартынов доложил вам, что успел сказать мне арестованный Малясов?

– Да, конечно. Это очень интересно. Жаль только, что теперь его уже не спросишь…

– Вчера Малясов не собирался никуда драпать.

– Что вы говорите? А может, вы так провели допрос, что вынудили его думать о бегстве?

– Господа, перестаньте, – на правах старшего в чине оборвал спорщиков губернатор. – Алексей Николаевич, вчера вы узнали что-то важное? Прошу изложить. И вообще, давайте отпустим городовых и спокойно, за чаем, поговорим. Без посторонних.

Нижних чинов отослали, служитель принес чай, и Лыков пересказал вчерашний допрос Кувалды. Начальники выслушали его с большим интересом. Лединг сориентировался мгновенно и заявил:

– Очень важные сведения! Алексей Николаевич преподал мне урок сыскной службы высокого разбора. Я немедленно дам указания искать этих двух, Чуму и Пантелея. Не знаю, они ли грабят полковые казначейства, но казни китайцев на их совести. Теперь это ясно как божий день.

– Почему вы так уверены, Генрих Иванович? – возразил Азвестопуло. – И что случилось в Благовещенске в тысяча девятисотом году? Мы не в курсе дела.

Газеты что-то писали, но столько лет прошло, я ничего не помню.

Глава 4

Благовещенская резня и ее последствия

Владивостокцы переглянулись. Манакин поморщился, потом долго тер переносицу. Все смотрели на него и ждали. Наконец губернатор заговорил:

– Об этом случае и вспоминать не хочется. Но… что было, то было. Так вот. Когда в Китае началось восстание ихэтуаней (их у нас называли боксерами), отряды повстанцев встали лагерем на том берегу Амура напротив Благовещенска. Власти и население отнеслись к происходящему с опасением. Гарнизон только что ушел в Харбин, войск в городе почти не осталось, а тут враждебная толпа через реку. А вдруг они полезут на нас? Что еще пугало жителей, так это большое число китайцев вокруг них. Прислуга в домах, дворники, приказчики в лавках, официанты в ресторанах – повсюду желтые. Чуть не по два на каждого русского! И многие смутились. Вдруг те безобидные китайцы, что подают им по утрам чай и чистят сапоги, неожиданно нападут?

– То есть устроят в городе восстание? – уточнил Сергей.

– Да. И опасность тогда казалась вполне реальной. Русские солдаты далеко, с того берега китайцы кажут нашим кулаки, а в самом Благовещенске дивизия косорылых! И поползли по городу слухи: ходя сговариваются всех православных перерезать. И тут их видели, и там; сбились в кучи, шепчутся, морды воротят… Не иначе вооружаются.

Волнения дошли и до военного губернатора Амурской области генерал-лейтенанта Грибского. Но он никаких мер принимать не стал, сославшись на то, что Китай России войну не объявлял и все обойдется. Более того, когда явились к нему выборные от желтого населения, губернатор твердо уверил их, что не допустит никаких притеснений мирных людей. Пусть даже китайских подданных. И тут грянул гром.

Манакин долго цедил чай, затягивал паузу, потом наконец продолжил:

– Правду надо сказать, что первыми начали те самые боксеры. Сначала они обстреляли наши суда на Амуре, которые плыли по реке. И даже попытались одно-два захватить. А потом вывели на берег восемь орудий и стали бомбардировать Благовещенск. Длилось это целых тринадцать дней. Пушки у «Отрядов справедливости и мира»[32 - Так переводится название тайного общества «Ихэтуань».] были дрянные, и артиллеристы им под стать. За две недели пальбы ни одного дома не разрушили! Но пять человек наших все же убили и пятнадцать ранили. Главное же – возбудили население против своих же земляков. И начали русские обыватели всех китайцев вокруг себя бить и резать. Власти не вмешивались, а нижние чины полиции даже подстрекали беззакония. Это потом выявило следствие.

Так вот, Грибский распорядился всех манз из города депортировать на родину, на тот берег Амура. А как это сделать? Призвали запасных и новобранцев. Они вместе с добровольцами согнали желтых в одно место. Четвертого, помнится, июля первую партию, самую большую, погнали за десять верст выше по реке, в поселок Верхне-Благовещенский. Чтобы оттуда переправить в Поднебесную. Гнали новобранцы, на которых оружия никакого не было, и им взамен выдали топоры.

– Сколько было в той партии? – спросил Лыков.

– Кто теперь скажет? – махнул рукой генерал. – Одни говорят – четыре тысячи человек, другие называют шесть тысяч.

– Много. Как же Грибский собирался их переправить? Ведь столько лодок потребовалось бы…

– Черт его знает, о чем он тогда думал. Видать, растерялся и утратил контроль. А новобранцев при колонне было всего восемьдесят. Пожелай китайцы разбежаться – перебили бы парней в момент, с таким численным превосходством. Но никаких попыток не было, люди покорно шли, как потом выяснилось, на убой. А начало июля, жара… В колонне много стариков, детей, и они начали отставать. Упали, встать сил нет… Полицейский пристав, командовавший всей операцией, приказал новобранцам рубить таких топорами.

– Не может быть! – одновременно воскликнули питерцы. – Что с ним потом сделали, под суд отдали?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кондиции – условия поставки. (Здесь и далее – примеч. автора.)

2

См. книгу «Паутина».

3

Правильное название – Международное общество спальных вагонов и скорых поездов.

4

То есть у Белецкого; директор Департамента полиции имел в своем распоряжении бесплатные железнодорожные билеты для казенной надобности.

5

«Хлопчатобумажный патриот» – прозвище Гучкова при Дворе, намекавшее на его купеческое происхождение…

6

ГУГШ – Главное управление Генерального штаба. Данилов-Черный получил свое прозвище, чтобы отличаться от двух других генералов с такой же фамилией – Данилова-Рыжего и Данилова-Белого.

7

Огенквар – Отдел генерал-квартирмейстера, военная разведка.

8

В Хабаровске располагался штаб Приамурского военного округа.

9

Полный генерал – генерал от рода войск.

10

См. книгу «Мертвый остров».

11

Хутухта – Богдо-гэгэн Восьмой, высшее лицо монгольской буддийской теократии, лидер революции 1911 года и фактический глава Внешней Монголии.

12

Цицикар – столица одной из трех маньчжурских провинций Хэйлунцзяна.

13

Ходя – прозвище китайцев.

14

Погоны полного генерала не имели звезд. Нищенков просто вынул из них три звезды по своему предыдущему чину генерал-лейтенанта.

15

КРО – контрразведывательный отдел штаба округа.

16

Манзы – китайское население Уссурийского края.

17

Миллионка – китайско-корейское гетто во Владивостоке.

18

Без документов.

19

Цепные убийства – серийные.

20

Бебут – кинжал с кривым обоюдоострым лезвием.

21

Фазан – уничижительное прозвище китайца в Приморье.

22

Оталец – молодой начинающий вор.

23

Сахала – темная публика, выехавшая из Сахалина в Приморье после упразднения каторги.

24

Многозарядная.

25

Паотуйцзы (букв.: «бегущие ноги») – беглецы, бродяги, лица, скрывающиеся от полицейского преследования.

26

Ханшин – крепкая китайская водка.

27

Бить плесом – доносить.

28

Солдатский Георгиевский крест 4-й степени.

29

См. книгу «Столица беглых».

30

См. книгу «Фартовый город».

31

Надзиратель, как было принято, титулует начальника по классу занимаемой должности.

32

Так переводится название тайного общества «Ихэтуань».

Купить: https://tellnovel.com/nikolay-svechin/na-krayu

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити